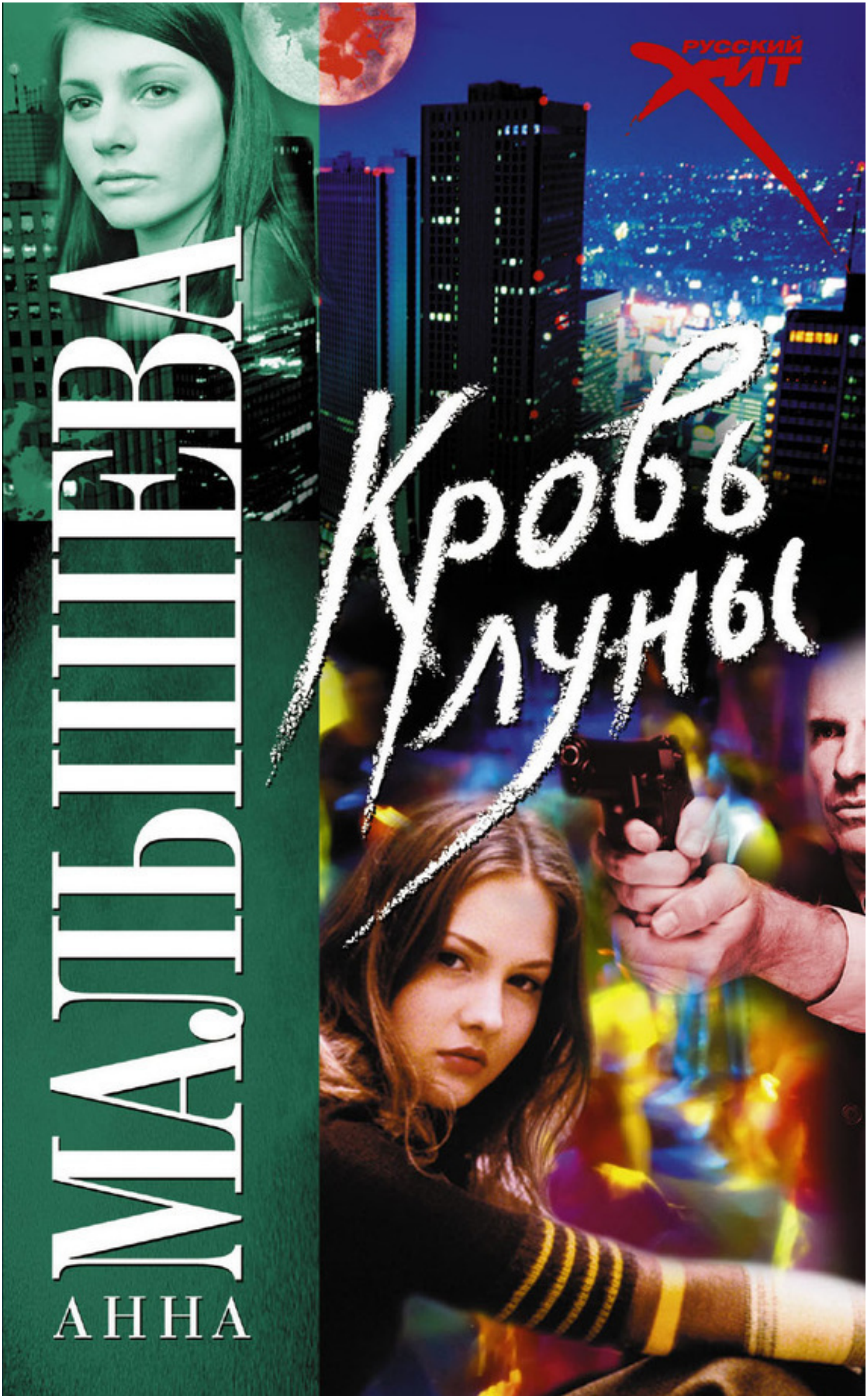
РУССКИЙ ХИТ
МАЛЫШЕВА
АННА
Кровь луны

Анна Малышева

Кровь Луны

«АСТ»

2008

Малышева А. В.

Кровь Луны / А. В. Малышева — «АСТ», 2008

ISBN 978-5-17-050571-5

Молодая девушка ждет любви, верит в дружбу, мечтает о славе… И ни в чем не находит счастья. Катя считает, что ей не везет, но забывает о своих проблемах, когда гибнет соседка за стеной. Она тоже умела мечтать, но эти мечты стоили ей жизни…

ISBN 978-5-17-050571-5

© Малышева А. В., 2008
© АСТ, 2008

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 16
Глава 3 25
Глава 4 36
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Анна Малышева

Кровь Луны

Глава 1

– Тише! Кто-то кричал…

– Я тоже слышала… – Она склонила голову набок, как всегда делала, прислушиваясь. С минуту оба молчали, и зыбкую тишину ночного московского двора нарушал только шум проезжавших за углом машин. Движение на этом перекрестке не стихало даже в самые глухие часы. Мужчина хотел было заговорить, но девушка уловила его движение, подняла палец и прижала его к губам. Еще одна машина проехала за углом, взвизгнули тормоза на перекрестке, и тут же снова зарычал мотор.

– Наверное, показалось, – мужчине надоело выслушивать темноту. Он чиркнул зажигалкой и при ее свете взглянул на часы. – А может, это громко включили телевизор.

– Посмотри на окна, все спят, – шепотом возразила девушка, все еще продолжая прислушиваться. – Даже эти товарищи на третьем… Ну, правильно, сколько можно праздновать? Пятый час. Ты ведь меня проводишь до квартиры?

– Ну конечно, – с наигранной готовностью ответил тот, и Катя не сдержала ироничного смешка.

В этот миг ей захотелось отказаться от услуг провожатого, но мысль, что в подъезде могут встретиться нетрезвые парни, посещавшие «нехорошую квартиру» на третьем этаже, превозмогла прилив задетой гордости.

– В последний раз, – сказала она, радуясь, что ее лицо прячет темнота. Катя чувствовала, что оно некрасиво искажено, но справиться со своими чувствами не могла. – Это будет вроде венка…

– То есть? – насторожился Сергей.

– На могилу принято носить венки, – девушка спрятала в карманы куртки озябшие руки и поежилась, вздернув плечи. – А мы сегодня как-никак кое-что похоронили.

– Катя, я надеялся, что обойдется без сцен, – нервно проговорил он. – Мы же взрослые люди! Кажется, все обсудили, и ты сама согласилась, что…

– Так дальше нельзя, – докончила она, доставая ключи и выбирая магнитный от двери подъезда. – Я и не спорю, с этим надо было покончить. Я не думала, правда, что вот так, запросто… Я дороже ценила два года своей жизни!

– Катя, мне очень жаль… – начал тот, но девушка остановила его, резко обернувшись на пороге, придерживая приоткрытую железную дверь.

– Вот этой фразы ты мог бы не говорить! Тебе жаль, да?! А мне нет!

– Что бы я ни сказал, все равно буду виноват, – обреченно ответил Сергей, входя за нею в подъезд. – Прошу тебя, не надо. Верь – не верь, а мне очень тяжело.

Лифт был отключен на ночь, и на седьмой этаж пришлось подниматься по лестнице. Катя шла впереди, быстро, не замечая пролетов, с горящим от гнева лицом, и потому даже не заметила на неосвещенной площадке фигуру возле мусоропровода. Она обернулась, лишь услышав сердитый возглас Сергея:

– Ноги подберите, дайте пройти!

– Я тебе сейчас так ноги подберу… – хрипло, с усилием ответила тень, делая попытку подняться и снова оседая на пол. – Стой, где стоишь… Дай только встать…

– Идем же, – поторопила она Сергея и, морщась, вгляделась в темноту. – А вы, как вас там, убирайтесь из подъезда! Сейчас милицию вызову! Достали!

– Я тебе вызову… – угрожающе просипела тень. – Смотри, я тебя еще повстречаю!

Она не ответила и пошла дальше. Сергей замялся на миг, но тут же нагнал ее. Когда Катя остановилась у двери своей квартиры и принялась искать на связке нужные ключи, пальцы у нее слегка дрожали.

– Где же… – Она нервно перебирала ключи и наугад пыталась отпереть замки. На площадке было темно, лампочка, ввинченная ею на днях, перегорела или была украдена. – Боже мой, что у нас за подъезд, каменный век, тьма, грязь, какие-то неандертальцы под ногами валяются! Я была недавно в гостях у подруги, так у них на площадках зеркала и картины висят…

Наконец ключ повернулся в замке, она нажала дверную ручку и вопросительно обернулась на своего спутника. Тот слегка отступил, словно испугавшись приглашения, которое могло последовать за этим движением.

– Мне пора, – торопливо произнес он.

– Да я и не предлагала зайти, – теперь ей было по-настоящему нехорошо, в висках застучала кровь, кожу на лице закололи мелкие иголочки. Кате стало душно и невыносимо, до физической боли стыдно: «Все выглядит так, будто я за него цепляюсь!»

– А ты решил, что я предложу чашечку кофе? – срывающимся голосом выговорила она, борясь со спазмами, давящими горло. – С этого обычно начинают, а как заканчивают, я даже не знаю… Может, бутылкой, как этот тип на третьем этаже… Нет, я тебя не приглашаю, до работы всего ничего осталось. Приму ванну, проверю почту, попробую часок подремать… Мне не до тебя.

– Катя, ты просто золото, – тихо ответил он. – Другая на твоем месте устроила бы сцену, смешала меня с грязью. Да что там, я сам себе противен… Прости, если можешь.

Она не ответила – прикусила рвущиеся наружу слова вместе с губами, так, что почувствовала резкую боль.

– И ведь я знаю, что мы с тобой могли быть так счастливы, как я никогда не буду с ней, но…

– Это нужно немедленно заканчивать, – оборвала его девушка, торопливо переступая порог, – все, все! Это бред, садизм, ты не имеешь права рассказывать мне, как мы могли быть счастливы! Убирайся, пошел вон отсюда! И ту кучу мусора на третьем с собой прихвати! Я сейчас вас обоих в милицию сдам!

Захлопнув дверь и прижавшись к ней изнутри спиной, Катя перевела дух и усилием воли прогнала проступившие было слезы. Света она включать не стала – не хотелось видеть свое лицо в висевшем напротив двери зеркале. В минуты неудач и поражений она избегала встречаться взглядом со своим отражением.

– Что я ему наговорила… – прошептала Катя, слушая тишину в квартире и за дверью. – Почему, зачем… Я должна была молча уйти… Одна.

От звука собственного тихого голоса ей вдруг стало страшно. Содрогнувшись, она отошла от двери, сняла куртку и наугад бросила ее на вешалку. Куртка зашуршала и повисла на крючке. Серое пятно зеркала (глаза начинали привыкать к темноте) смотрело строго и выжидающе. Стоит включить свет – и оттуда глянет бледное осунувшееся лицо, и она прочтет в своих глазах выражение, от которого возненавидит себя саму окончательно. «К тебе когда-нибудь на улице подходила потерявшаяся собака? – спросила ее как-то старая, беспощадная в оценках подруга. – Знаешь, как они смотрят, когда виляют хвостом, пытаются идти рядом? Когда тебе плохо, ты смотришь точно так же! Как думаешь, мужчина на такой взгляд клюнет?! Им нравятся счастливые женщины, запомни это! Пусть тебе ноги без наркоза ампутируют – улыбайся!»

«Карине легко критиковать, у нее всегда была одна проблема – как избавиться от лишних ухажеров! Они ей, видите ли, учиться и работать мешают! У нее сколько романов – столько и предложений руки и сердца. Если бы она хотела, то каждый раз выходила бы замуж. А я… Разве я виновата, что у меня ничего не получается?! Два года мы были вместе, он первый стал говорить о браке, первый – о детях, это он сам строил планы на будущее, я даже не помогала, боялась сглазить! Он тысячу раз говорил, что его брак – формальность, просил только дать время, чтобы жена привыкла к мысли о разводе, мол, хороший она человек, жалко ее травмировать… И вот сегодня – звонок на работу, ужин в ресторане, там он взгляд прятал, будто ложку украл, а на десерт заявил, что нам лучше расстаться, потому что он не может пожертвовать семьей. Я впервые услышала от него это слово – семья! Оказалось, что никакая это не формальность, а самая главная ценность в его жизни, так что он готов ради нее пожертвовать большой любовью. Что это за игра такая?! Зачем он мне внушал, что, по сути, одинок и ничем не связан?! Чтобы я не устраивала сцен? Чтобы любила крепче? Зачем он со мной так?»

Так и не включив света, Катя стянула сапоги, рывком освободилась от теплого свитера и, не сдержавшись, швырнула его прямо на пол. Ей хотелось разбить что-нибудь, закричать, устроить истерику – сделать хоть что-то, что разрушит эту оглушительную тишину, повисшую в темной квартире. Она босиком побежала в комнату, на ходу включила торшер и, благополучно избежав встречи с зеркальной дверцей старого шкафа, с ногами прыгнула на диван. Тот возмущенно заскрипел – это было рассохшееся, страдающее ревматизмом наследство, доставшееся Кате от бабушки, покойной обитательницы квартиры. Переехав сюда несколько лет назад, девушка так и не собралась ни сделать толком ремонт, ни сменить мебель. Переделкам подверглись только ванная комната и кухня – в остальном здесь царили пятидесятые годы прошлого века.

В первое время после переезда эта обстановка раздражала Катю, но со временем она привыкла к старым вещам и даже привязалась к ним. У этой мебели был такой смущенный, закомплексованный вид, что она выглядела почти одушевленной. «Мы совсем немодные, нами больше нельзя гордиться, мы и сами это знаем… – казалось, говорили диван, шкаф и буфет. – Но зато мы помним тебя такой маленькой девочкой, что ты даже не дотягивалась до верхних полок шкафа, не умела открывать ключиком буфет, чтобы достать конфеты, а когда прыгала на диване, пружины под твоей тяжестью даже не скрипели! Мы все помним! Если ты выбросишь нас на свалку, вместе с нами ты выбросишь и ту маленькую девочку!»

– А может, и надо все это выбросить, поменять, – пробормотала девушка, обводя взглядом стены. – Может, жизнь стронется с мертвой точки, а то я будто в лесу заблудилась – кружу, кружу и выхожу все к этому скрипучему дивану.

Она взглянула на часы. Стрелки показывали пять утра, глухой час, когда не спят только самые счастливые люди и самые несчастные. Позвонить в такое время невозможно даже самому близкому человеку, разве что случилось серьезное несчастье. «Это к лучшему, – вздохнула Катя, отводя взгляд от телефона. – Может, я справлюсь и вообще никому ничего не расскажу. Родителям жаловаться? Коллегам? Карине? Нет, даже ей не стоит. В тридцать лет без малого пора привыкнуть, что тебя бросают».

В последнее время Катя все чаще напоминала себе об этой дате, хотя ей исполнилось только двадцать восемь. Тридцать лет – это был рубеж, которого она ждала с тревогой и неверием в свои силы, опасаясь, что эта цифра выставит ей счет, по которому невозможно будет заплатить. Тридцать – значит, игра пошла всерьез, и скидок на юность и неопытность уже не будет. Тридцать – возраст, когда пора хвастаться если не карьерными успехами, то семейным счастьем, а лучше и тем, и другим. Это возраст, когда даже самое инфантильное дитя начинает осознавать, что одной любовью к родителям его сердце сыто не будет. Тридцатилетнюю одинокую женщину начинают жалеть замужние подруги, она уже задерживает взгляд на чужих детях, пытаясь подавить смутный страх перед будущим, где, может быть, ее некому будет любить.

Пока это лишь предчувствие, которое можно не воспринимать всерьез, но людям счастливым оно незнакомо.

«Нет, как я могу все это рассказать Карине? Она счастлива одна, ей никто не нужен. У нее и мыслей таких не бывает, я уверена». Девушка сунула под щеку облезлую кожаную диванную подушку и улеглась, свернувшись калачиком. Хотелось расплакаться, но Катя запретила себе это – она бы весь день проходила с опухшими красными глазами, и все кому не лень спрашивали бы ее, что стряслось. «Только не сегодня, – уговаривала она себя. – Завтра выходной, вот вечером придешь с работы и рыдай, сколько душе угодно. А пока самое лучшее – немножко поспать».

Но эта благоразумная мысль была совершенно бесполезна, как зачастую бывают бесполезны благоразумные советы. Заснуть в таком состоянии Катя не смогла бы, даже приняв успокоительное. Обычно ее клонило в сон от алкоголя, но шампанское, выпитое в ресторане, давно выветрилось – девушка протрезвела сразу, услышав ошеломляющую новость. «На кухне в холодильнике стоит какое-то вино, но не могу же я напиваться, мне на работу, – в отчаянии думала она, ворочаясь на диване. – Пять утра, что делать, как отвлечься?! Не стиркой же заниматься, в самом деле!»

В этот миг она страшно жалела, что так и не завела кошки. Катя сделала такую попытку незадолго до того, как познакомилась с Сергеем. Крошечный серый котенок породы «русская голубая» был куплен ею на кошачьей выставке, куда она зашла просто от нечего делать, гуляя по ВВЦ. Катя жила неподалеку от метро «ВДНХ», и территория выставки была для нее привычным местом прогулок. Котенок был куплен стихийно, лукавая продавщица буквально заставила девушку взять его в руки, после чего восхитилась:

– А знаете, вы с этой кошечкой очень похожи! Прямо одно выражение лица! Сразу видно, она вас дожидалась!

Сама Катя находила, что роднит ее с кошечкой только цвет глаз – янтарно-карий, но поддалась искушению и приобрела себе друга. Санди – так она назвала кошечку в честь дня недели, когда та была куплена, прожила у нее две недели. Ровно столько потребовалось Кате и Сергею, чтобы познакомиться, начать встречаться на нейтральной территории и в конце концов решить, что для следующего свидания свидетели им не нужны. Однако, едва переступив порог Катиной квартиры, ее новый знакомый попятился, заметно изменившись в лице.

– У тебя кошка? – сдавленно спросил он.

– А что случилось? – испугалась девушка. Санди даже не вышла на звук открывающейся двери – кошечка оказалась ленивой и большую часть времени спала, растянувшись на диванной подушке.

– Прости, я не могу войти, – Сергей пытался улыбаться, но было видно, как он обескуражен. – У меня аллергия на кошачью шерсть.

Свидание спешно перенесли на свежий воздух, а поздно вечером, вернувшись домой, Катя обзвонила подруг и пристроила Санди в хорошие руки. Она сделала это, ничуть не усомнившись в своей правоте. Кошка жила у нее недавно, Катя не успела толком к ней привязаться, к тому же все ее существо было поглощено новым романом, который только-только подходил к самой захватывающей стадии. Кошка исчезла, квартира была тщательно прибрана, и тем не менее во время своего первого визита Сергей глотал антигистаминные препараты и говорил простуженным севшим голосом. Катя извинялась перед ним, словно впрямь была в чем-то виновата, и ругала хитрую даму с выставки, навязавшую ей котенка. Все это было два года назад, роман только начинался, и тогда девушка совсем не заботилась о грядущем тридцатилетнем рубеже, просто ей очень нравился новый знакомый.

«Кошка не бросила бы меня, – жалобно подумала Катя, ворочаясь и не находя себе места. – Она бы поняла, как мне плохо! Если бы я могла сейчас обнять Санди, послушать ее песенку, пожаловаться! Нет, я не выдержу, не смогу молчать, сегодня же всем расскажу…

Пусть жалеют, пусть читают мораль, объясняют, что я делала не так… Только бы не эта тишина – она меня с ума сведет!»

И словно в ответ на ее мысли предрассветное безмолвие спящего дома нарушилось. Катя услышала, как где-то неподалеку с натужным визгом распахнулась балконная дверь, раздались громкие возбужденные голоса – несколько человек вышли на балкон и заговорили разом, не слушая друг друга. Из этой какофонии вдруг выделился и на миг все заглушил короткий женский вопль, похожий на крик вспугнутой птицы. Его тут же оборвал глухой сильный удар, после которого наступила тишина. Катя села, склонив голову и прислушиваясь. Голоса на миг смолкли, но тут же зазвучали с удвоенной громкостью. Теперь она различала даже отдельные фразы.

– Беги вниз! – во весь голос крикнула женщина. – Ах, дура, дура!

– А ты стоишь и смотришь?! – истерично подхватил другой женский голос. – Скорее, ну!

– Куда это я побегу? – огрызнулся мужчина. – Идите вы все…

И снова хлопнула дверь – так, что в Катином окне звякнуло неплотно пригнанное стекло. Она уже стояла у балконной двери, прислушиваясь и не решаясь выйти. «Там какой-то скандал, если высунусь, это будет выглядеть, будто я подслушиваю. Но в конце концов, пять утра, а они так раскричались, что я имею право возмутиться… Ну вот, не унимаются, опять орут! Это совсем рядом!»

Катя набросила на плечи вязаную шаль и выглянула наружу. Ее предположения оправдались – на соседнем балконе она увидела двух женщин, одетых более чем легко для промозглого октябрьского утра. На одной, совсем юной, была майка с короткими рукавами, другая, постарше, придерживала на груди расходящиеся полы халата. Обеих она знала в лицо, как-то обменялась с той и другой несколькими фразами, но и только – они жили в другом подъезде, и Катя редко с ними сталкивалась.

– Что делать будем, мам? – все так же истерично выкрикнула молодая девушка. Она едва взглянула на Катю, вид у нее был возбужденный и полубезумный. Вряд ли она вообще заметила, что на соседний балкон кто-то вышел. – Мама?!

– Лови его, пока не ушел! – приказала женщина в халате, отворив балконную дверь. – Да беги же, не спи! А вам что нужно?! – Она вдруг обнаружила в нескольких метрах от себя соседку. Неприветливо прищуренные глаза так и оцарапали Катю – из каждого зрачка словно торчало по булавке.

– Можно потише? – сдержанно спросила та. Не ответив ни слова, женщины скрылись в квартире. Оттуда снова понеслись крики, правда, слегка заглушенные.

«До сих пор за стеной вроде не шумели, – Катя плотнее закуталась в шаль и вдохнула сырой холодный воздух. Он тут же застрял в горле – у девушки появилось ощущение, словно она проглотила комок влажной ваты. – Там нормальная семья, мать и две дочери, у них еще маленькая собачка, левретка. Вечно гуляет в смешных таких свитерках и дрожит, будто с похмелья. Ну, если и эти начали буянить, точно придется квартиру менять. Мало мне притона на третьем!»

То ли скандал разбудил обитателей двора, то ли просто начали просыпаться те, кому пора было на работу – в окнах стали зажигаться огни. Но странно было не это. Окинув взглядом дома, окружавшие двор, Катя заметила на нескольких балконах людей. Спустя полминуты их стало в два раза больше – возникало впечатление, будто что-то выманило их в холод и сырость из теплых постелей. Многие были в халатах, кто-то, как и Катя, кутался в наспех накинутое тряпье, и все, как один, смотрели вниз. Озадаченная девушка последовала их примеру.

«Что там такое? Проверяют, на месте ли их машины? Почему просто в окно не выглянуть, холодно же?…»

– Вы не туда смотрите, – раздавшийся рядом голос заставил ее вздрогнуть. – Во-он туда глядите, слева от фонаря. Нет, от вас, наверное, плохо видно, дерево мешает!

К ней обращался парень, который незаметно вышел на балкон этажом ниже. Они с Катей здоровались, если случалось вместе ехать в лифте, и как-то раз он принес ей письмо, по ошибке брошенное в его почтовый ящик. Девушка кивнула ему в ответ, перегнувшись через перила:

– Доброе утро. А что там, если не секрет?

– Да девчонка какая-то с балкона выбросилась, – просто ответил тот. – Разве не слышали, как тут орали? Лично я проснулся.

– Как?! – Она схватилась за мокрые перила и нагнулась еще сильнее, пытаясь что-нибудь различить в утренних сумерках. Разросшийся тополь скрывал от нее ту часть двора, куда указывал сосед. – А что же все стоят, смотрят?! Может, она жива?!

– Я уже позвонил и в «скорую», и в милицию. – Парень достал сигарету, не сводя глаз с видимой ему одному точки. – Наверное, другие тоже. Да только спешить-то некуда. Я даже отсюда вижу – ей конец. Не птица все-таки! Спуститься туда, что ли? Все равно не усну.

– Мне что-то нехорошо, – у Кати внезапно клацнули зубы. Она с трудом разжала перила и заставила себя отступить от них. Темный двор вдруг потянул ее к себе – это было мгновенное ощущение, но очень острое и пугающее. – Холодно. Я пойду.

И торопливо вернулась в квартиру, закрыв балконную дверь на оба шпингалета. В тот же миг ее бросило в жар, волосы на висках стали влажными от проступившей испарины. Остановившись посреди комнаты, уронив на пол шаль, девушка прислушивалась к тому, что происходило во дворе. Окна в квартире были старые, о звукоизоляции речи не шло, и она все слышала на своем седьмом этаже так же четко, как если бы жила на первом. На месте происшествия уже собирались люди – до ее слуха доносились голоса. Один за другим заработали двигатели нескольких машин, с грохотом хлопали металлические подъездные двери, звонко тявкала собачка, которую вытащил на преждевременную прогулку любопытный хозяин. Двор проснулся на полтора часа раньше, обычно такое оживление наблюдалось около семи утра.

«Выбросилась? Кто? Откуда? Я ее знаю?» Катя остановилась перед зеркальным шкафом и смотрела на свое отражение минуты две, прежде чем осознала, что делает. Странно, но собственное лицо не вызвало у нее раздражения – напротив, Кате стало как-то легче, когда она встретилась взглядом с бледной рыжеволосой девушкой, задумчиво прикусившей нижнюю пухлую губу. И в ее янтарно-карих глазах не было униженного выражения, которое она боялась там увидеть – девушка глядела встревоженно, серьезно и уж никак не походила на бродячую собаку, которая ждет подачки от случайного прохожего.

«А ведь я уже минут десять не думаю о Сергее! – опомнилась она, взглянув на часы. – А еще не знала, как дотянуть до работы!»

Она прошла на кухню, поставила чайник, вытрясла в кружку остатки растворимого кофе. Купить новую банку Катя собиралась уже дня три, запастись сливками планировала неделю назад, а пополнить холодильник решила еще в начале месяца, получив зарплату. И все – безрезультатно. «Может быть, у меня ничего не получается с мужчинами, потому что я бесхозяйственная? У меня даже сахара нет!» Морщась, она глотала обжигающий напиток и уже не в первый раз думала о том, что если переделать себя в соответствии со стереотипным идеалом женщины, то от нее нынешней, настоящей и единственной ничего не останется. «Я плохо готовлю, забываю покупать продукты и платить за свет, у меня в шкафу моль, а по углам – паутина, постельное белье я не глажу, а стелю сразу, как высохнет, какой смысл гладить, если все равно помнется? Я ношу джинсы, куртки и сапоги без каблуков, а это не должно нравиться мужчинам, они любят шпильки, ажурные чулки и мини-юбки. У меня красивые волосы, но я никогда не делаю прически, у меня даже нет косметички – не заводить же ее ради пудреницы и одной помады. Карина говорит, после всего этого нечего удивляться, что меня бросают, и кажется, она права, – подвела итоги Катя, заглядывая в опустевшую кружку. – Видимо, я и буду жить одна, потому что переделывать себя не хочу. Мне одиноко, но не настолько, чтобы я

отреклась от своей натуры. По крайней мере, когда меня бросают, я остаюсь наедине с собой. А если меня бросят после переделки? Если я стану чужой сама себе?»

«Ты начинаешь рассуждать, как феминистка, плохой знак! – заметила ее подруга, после того как Катя однажды поделилась с ней своими мыслями. – Они вечно лезут на стенку, берегут свою драгоценную независимость и неповторимость! А неповторимого там только обгрызанные ногти да застиранное белье. Смотри, закончишь так же! Начнешь спасать осетров и амурских тигров, дома-то никто не ждет!» «Тебя, можно подумать, муж и детки с работы дожидаются!» – добродушно огрызнулась Катя, но картина, нарисованная подругой, произвела на нее такое впечатление, что она на другой же день отправилась в магазин и купила себе вышитое кружевное белье. Оно и сейчас было на ней – Катя с грустной усмешкой вспомнила, какие планы строила на вечер, особенно после приглашения в ресторан. «Сейчас лучше об этом не вспоминать, – сказала она себе, пытаясь подавить вновь нахлынувшую горечь. – Лучше думать о девушке, которая выбросилась с седьмого этажа. Ведь это из-за нее я до сих пор не заплакала! Только из-за нее, клин клином вышибло! Похоже, это моя соседка… У них заварился какой-то скандал, а потом был этот крик, ужасный крик, меня так и подкинуло! На балконе стояла только одна девушка, но там живет еще другая, и если это она…»

Катя едва не выронила кружку, которую все еще продолжала вертеть в руке, вспоминая недавний эпизод, связанный с этой девушкой. В дверь отрывисто позвонили. «Сергей?!» – отчего-то с испугом подумала она, но тут же одернула себя. «Глупости, он не вернется. Катит сейчас по пустым улицам, радуется, что я не устроила скандала, что пробок нет и дождь так и не начался… Дома скажет жене – я, конечно, поздно, но это в последний раз, нужно было утешить ту девчонку. И та поймет – разве я сама не принимала такие же аргументы все эти два года? Это не он, это ошибка».

Звонок повторился и на этот раз звучал продолжительней. Девушка взглянула на часы – без пятнадцати шесть. Это было в высшей степени необычно, но что было обычным этим утром? Подойдя к двери, она припала к «глазку» и, удивленно улыбнувшись, приоткрыла дверь:

– Вы?!

– Не спите? – поинтересовался сосед снизу, с которым она только что беседовала, стоя на балконе. Он держался непринужденно, словно ходить в гости в такой час было для него делом привычным. – Заснешь тут, верно? Не впустите на минутку?

– Заходите, – Катя открыла дверь пошире и отступила на шаг, впуская гостя. Войдя, тот занял собой почти всю крохотную прихожую. Глеб – она вдруг вспомнила его имя – был настоящим гигантом. Катя была среднего роста, и комплексов по этому поводу у нее никогда не было – иначе она бы надела ненавистные каблуки. Но рядом с гостем она вдруг показалась себе каким-то недомерком.

– Вы спускались вниз? – догадалась она, взглянув на его мокрые ботинки. – Видели… Ее? Да не разувайтесь, проходите на кухню. Чаю хотите?

Катя неожиданно обрадовалась гостю – не потому, что ей так уж хотелось поговорить о самоубийце, просто она уже не чувствовала себя такой одинокой.

– Лучше кофе, – тот с трудом втиснулся за кухонный стол, устроившись на узком диванчике. – Я не успел выпить.

– Остался только чай, – Катя сняла крышку с заварочного чайника и с подозрением осмотрела всколыхнувшийся черный напиток, пытаясь припомнить, когда он был приготовлен. Три дня назад? Четыре? – Хотите?

– Все равно, – тот махнул рукой и, спрятав лицо в ладонях, со стоном растер его. – Не выспался я капитально, лег бы сейчас на часик, да Вика у меня из головы не идет.

– Кто? – повернулась Катя. – Вы ее знали?

– Вместе по двору гоняли, мы же из этого дома. – Тот поднял усталые покрасневшие глаза, но у девушки не было уверенности, что Глеб ее видит. – Вместе и в школу ходили, правда, я на три класса старше учился. У нас с ней даже роман был, представляешь?

Он как-то естественно перешел на «ты», впрочем, Катя не возражала. Прежде, когда она встречала соседа, он казался ей ровесником, но теперь девушка понимала, что он младше ее лет на пять как минимум.

– Так это мои соседи? – Она указала на стену, граничившую с другой квартирой. Глеб кивнул:

– Они. Мать сейчас на «скорой» увезли, Лариска тоже за сердце хваталась, но ехать не захотела, говорит, на работу надо. Поднялась к себе с милицией, наверное, сейчас протокол составляют.

– А мужчина? Там ведь был еще мужчина? – машинально припомнила Катя, вспоминая предрассветную сцену на соседнем балконе.

– Они втроем жили, без мужиков, – отрезал Глеб с непонятной горячностью.

– Но на балконе они ссорились с каким-то мужчиной! – настаивала девушка.

– Ты что – видела его? – насторожился Глеб.

– Только слышала, – призналась Катя. – Но он точно там был.

– Чудеса! – пробормотал парень. – Марья Юрьевна мужиков на порог не пускает, боится за своих девиц, как бы про них чего не сказали! Веришь, нет? Человек со старыми понятиями! Когда я с Викой гулял, она нас все выслеживала, по всему кварталу гоняла – мы поцеловаться не могли! Мне это надоело, я хотел зайти, поговорить с ней по-человечески, так она меня чуть с лестницы не спустила. Ты, говорит, сюда войдешь, когда будешь свататься к Виктории, вместе со своими родителями и кольцом для невесты! Натурально, я был в шоке. Я же не собирался жениться, да и в армию уже было пора, ну а когда вернулся, остыл – мало интереса начинать все сначала. Знаешь, теперь бы я по-другому ее мать выслушал, – задумчиво добавил он после небольшой ностальгической паузы. – Сейчас редко встретишь семью с нормальными понятиями. Девицы все поголовно, как уличные, жениться не на ком.

– А теперь ты, значит, созрел для женитьбы? – не сдержала усмешки Катя. Этот парень удивлял ее своей откровенностью, и в то же время эта черта ей нравилась. – Не преувеличивай, вокруг полно нормальных девушек. А уж что касается этой Виктории, то, извини, у меня о ней сложилось такое впечатление…

Она снова вспомнила свое недавнее столкновение с этой девушкой. Именно тогда Катя впервые разглядела ее как следует. До этого соседка была для нее только «высокой брюнеткой из первого подъезда, которая никогда не здоровается и гуляет с левреткой не больше десяти минут». Именно столько времени уделяла эта неприветливая девушка своей собаке, и на этой прогулке обе выглядели крайне недовольными друг другом. Катя давно приметила их из окна, они гуляли примерно в то время, когда она поджидала Сергея. «Больше мне незачем смотреть в окно по вечерам!»

– Какое впечатление? Это ты о чем? – Глеб глотнул предложенный чай, на мгновение замер, словно проверяя свои ощущения, и отставил чашку подальше. – По-твоему, она была гулящая?

– Нет-нет, – испугалась Катя, увидев его недоверчивый взгляд, внезапно ставший очень тяжелым. У нее вдруг появились сомнения в том, так ли уж остыл этот гигант к своей бывшей подружке. – Я ничего об этом не знаю! Просто у меня создалось впечатление, что она совсем не мечтала о семейной жизни. Я слышала краешек одного разговора…

…Примерно неделю назад, когда у Кати еще не было оснований полагать, что ее роман окончится так внезапно и неудачно, она собиралась пойти в театр с Сергеем. Тот часто приглашал ее на премьеры. Прежде, до знакомства с ним, девушка была равнодушна к театру, но теперь у нее в ящике стола лежала целая кипа программок, и она со знанием дела рассуждала о

сценографии, антрепризе и режиссерских находках. Впрочем, Катя предпочитала пьесы классического репертуара, поставленные без особых экспериментов. На такую постановку они и собирались – в Малом театре давали Островского. Сергей ждал ее в машине у подъезда. Катя издали ему помахала, раскрыла сумочку, проверяя, все ли в порядке, но нахмурилась и остановилась, не дойдя до серебристого «Ауди» нескольких шагов.

– В чем дело? Опаздываем! – высунулся из окошка Сергей.

– Я забыла бинокль, – с досадой ответила девушка, продолжая копаться в сумочке. – Что ты будешь делать! А лифт как назло опять сломался, и бежать на седьмой…

– Возьмем в гардеробе напрокат, садись! – настаивал Сергей. Но Катя была непреклонна:

– Ты же знаешь, я не люблю использовать вещи после кого-то…

Эта черта была у нее с детства, и она никак не могла ее перебороть. Жизнь это ужасно осложняло. Катя каждый раз перебарывала себя, читая библиотечную книгу. Беря напрокат фильм, касалась кассеты с брезгливостью. В ресторане придирчиво осматривала столовые приборы и салфетки, малейшее пятнышко начисто отбивало у нее аппетит. Отдыхая в горах и сплавляясь по реке на рафте, она едва не умерла от отвращения, вдыхая запах чужого пота, исходящий от спасательного жилета. Катя страдала близорукостью и неважно различала сцену уже ряда с пятнадцатого, но воспользоваться прокатным биноклем отказывалась наотрез, а очков завести так и не собралась – работе это не мешало. Бинокль ей подарил Сергей после первого же похода в театр. Перламутровый, отделанный слоновой костью, очень дорогой и очень изящный, он был похож на игрушку, и Катя его обожала. Бинокль хранился в бархатном синем футляре, а футляр она положила в прихожей на подзеркальник, чтобы не забыть… И конечно, забыла.

– Хорошо, я принесу, давай ключи! – Сергей в сердцах хлопнул дверцей, машинально включил сигнализацию и скрылся в подъезде, выхватив у Кати связку ключей. Она даже не успела остановить его и попроситься в машину. Начинался дождь, а зонт она тоже забыла. Ей пришлось подняться на крыльцо и спрятаться под козырьком. Катя сделала это без особой охоты – там уже притулилась некая парочка. Встав как можно дальше от бурно обсуждавших что-то молодых людей, она сперва не вслушивалась в их разговор и только мысленно считала этажи, которые преодолевал Сергей. «Сейчас он на третьем. Четвертый… Наверное, ругает меня, до чего же я безголовая! Телефон тоже забыла, а то позвонила бы ему и попросила захватить зонтик. Теперь он на пятом… Только бы не упал, там света нет».

– Она меня убьет! Говорю тебе, она меня прикончит!

Девичий голос произнес эту в общем банальную фразу с такой горячей убежденностью, что Катя невольно покосилась в сторону парочки. Девушка на нее не смотрела, вряд ли она заметила, что рядом кто-то появился. Она глядела только на парня, стоявшего перед ней, и повторяла:

– Не могу я, понимаешь? Она убьет меня!

– Хочешь, я сам с ней поговорю? – предложил парень. Его голос звучал лениво и слегка пренебрежительно. Было ясно, что девушке не удалось его впечатлить. – Прямо сейчас?

– Да ты что! – выговорила та с неподдельным ужасом и, отстранившись, толкнула кавалера ладонью в грудь, отчего тот слегка отодвинулся. – Не смей, не думай даже!

– Надоел ваш детский сад! – раздраженно бросил он. – Давай выбирай, нормальная жизнь или эта помойка!

– Ты же знаешь, – теперь девушка заговорила с мольбой, заглядывая парню в глаза, пытаясь поймать его недовольный взгляд. – Я хоть сегодня готова ехать, но мама…

– В гробу я видал твою мамашу и тебя вместе с ней!

– Да я-то чем виновата?!

Теперь Катя слушала вовсю, стараясь не выдать своего интереса и глядя в сторону. Она уже успела рассмотреть парочку и узнала девушку из соседнего подъезда, иногда гулявшую с

левреткой. Прежде Катя не обращала на нее особого внимания, но сейчас невольно присмотрелась и не могла не признать – та была редкостной красавицей. Лицо античной статуи – нежное, классически правильное, словно изваянное из розоватого мрамора, раскосые зеленоватые глаза, влажные от волнения и накипающих слез, волна черных волос, спадающая на ворот кожаной куртки, обтянутые выбеленными джинсами длинные ноги, серебристые сапожки на немыслимых каблуках-шпильках… Это была Психея, одетая по последнему писку моды на вещевом рынке, и легкий налет вульгарности лишь оттенял ее непогрешимую классическую красоту.

– Мать все хочет меня замуж выдать, пилит и пилит, – с жалобной мольбой говорила она, ловя парня за руку, которую тот все время отдергивал. – Не понимает, что мне ее жениха даром не надо… Начнешь объяснять – сразу в крик! По лицу бьет! Если бы ты знал, что я выношу…

– Мне что, пожалеть тебя?! – Теперь ее собеседник кипел от сдерживаемой ярости. – С мамочкой не можешь договориться! Ты понимаешь, что я из-за этой истории деньги теряю?! Сколько можно ждать?!

– Ну, постой, не сердись… – в отчаянии пролепетала девушка. – Дай мне еще неделю, я попробую ее уговорить…

– Да ты и начать не решишься! – бросил тот, вырывая у нее руку. – Мотаешь нервы, я бы уже сто девчонок на твое место нашел! Короче, или соглашайся сейчас, или катись к черту! А вам что, делать нечего?!

Последняя фраза адресовалась Кате. Позабыв об осторожности, она уже открыто смотрела в сторону споривших, и спутник черноволосой красавицы это заметил. Их взгляды встретились, и внезапно девушке стало не по себе. Катя боялась таких глаз – жестких, обозленных, плоских, словно две стертые грязные монеты. Подобные взгляды она часто видела в хронике криминальных происшествий, если не успевала переключить канал. Этот парень словно вышел из подобной сводки новостей, несмотря на свой внешний лоск. Он был одет довольно прилично – замшевая куртка, кашемировый свитер, от него за несколько шагов несло модным одеколоном, и все же Катя внутренне сжалась, обнаружив, что привлекла его внимание. Дорогой парфюм не смог отбить основного запаха, присущего своему хозяину, – запаха агрессии, звериного и тревожного. Девушка ощутила его не обонянием, а каким-то первобытным чутьем.

– Я к вам обращаюсь, мадам! – резко повторил тот, разворачиваясь в ее сторону. – В чем дело? Гуляйте в другом месте!

– Я здесь живу! – Она постаралась произнести это как можно тверже, одновременно делая попытку вычислить, где находится Сергей. Сказала ли она, где искать бинокль? Он может не заметить футляр, поиски затянутся, а Кате хотелось, чтобы он сейчас оказался рядом. – И я вам не мешаю.

– Так, это я буду решать, мешаете вы мне или нет, – все с той же нехорошей интонацией произнес парень. Он собирался сказать еще что-то, но красавица повисла у него на локте:

– Не заводись, это соседка! Леша, успокойся!

– Ты еще лезешь! – Он буквально стряхнул девушку с локтя, так что та едва устояла, покачнувшись на своих шпильках. – Все, я в последний раз говорю – решайся или катись! Вечером позвоню!

И, одним прыжком соскочив с крыльца, пошел прочь, на ходу доставая из кармана телефон. Девушка проводила его настороженным, полным тоски взглядом и прерывисто вздохнула, словно подавляя готовое прорваться наружу рыдание. Хлопнула дверь подъезда – появился запыхавшийся Сергей. Он протянул Кате синий бархатный футляр:

– Побежали!

– Да, опаздываем… – машинально откликнулась она и пошла рядом с ним к машине, пытаясь укрыться под любезно раскрытым зонтом. Садясь, Катя еще раз бросила взгляд на крыльцо. Соседка все еще стояла там, понурив голову, спрятав руки в карманах куртки, словно

ей было некуда идти, негде спрятаться от дождя, который становился все сильнее. Сергей тоже взглянул в ту сторону, поворачивая ключ в замке зажигания:

– Ты о чем-то с ней говорила? Я помешал?

– Нет, – протянула она, с трудом отводя взгляд от девушки. Катя сама не понимала, отчего ее так интригует и притягивает эта одинокая фигура, уже наполовину зачеркнутая дождем. – Я с ней вообще незнакома.

– …Тот парень обращался с ней, как с паршивой собачонкой, разве что ногами не пинал, а она заискивала перед ним, понимаешь? – Катя взглянула на кухонные часы. Ей пора было собираться на работу, но Глеб, казалось, и не думал уходить. – У меня создалось впечатление, что он от нее требовал чего-то, а она боялась матери. В общем, неприятная история. Может, милиции стоит про это знать?

– А может, и не стоит, – задумчиво протянул Глеб. Его лицо заметно помрачнело после того, как он выслушал рассказ соседки. – Я поговорю с ее сестрой, вот что я сделаю. Говоришь, на балконе у них был мужчина? Тот самый?

– Да я же не видела его. А голос… – Девушка засомневалась и наконец покачала головой: – Нет, и по голосу не опознаю. Но, судя по скандалу, – это был он. Наверное, твоя Виктория все же решила поговорить с матерью, неизвестно только о чем. Страшно, что все так закончилось. Прости, я на работу опоздаю.

– Так может, я тебя подвезу? Куда ехать?

– На «Мосфильм». Я быстрее доберусь на метро, на Садовом кошмарные пробки.

Глеб грузно выбрался из-за стола и протянул ей руку:

– Спасибо, что не выгнала. Поговорил с тобой, легче стало… Честно говоря, я чуть в нокаут не рухнул, когда увидел Вику… Ты ведь рассмотрела тогда, на крыльце, какая она красивая?

И когда Катя кивнула, гигант севшим голосом добавил:

– Надо было мне на ней жениться. Я бы к ней никого близко не подпустил, сейчас была бы жива.

Глава 2

Вопреки своим ожиданиям, Катя попала на работу не раньше обыкновенного, а напротив, опоздала на целый час. Проводив Глеба (тому явно не хотелось расставаться, он продолжал изливать душу, уже стоя одной ногой в подъезде), девушка решила принять душ, чтобы смыть накопившееся напряжение. Она часто исправляла таким образом испорченное настроение – струи воды словно уносили прочь, в водосток все страхи, обиды и недовольство собой. В плохие дни Катя могла принять душ три-четыре раза. Спрятав волосы под купальную шапочку, она плескалась в душевой кабине, забыв о времени. Завтрак по случаю отсутствия кофе был отменен. Пить чай, которым она угощала гостя, Катя не решилась. Девушка по-беличьи сгрызла на ходу сушку, наскоро оделась и, взглянув на часы, обнаружила, что сильно опаздывает.

«Ну конечно, – расстроилась она. – Так всегда и бывает, когда думаешь, будто есть запас времени…»

Особой трагедии в этом опоздании не было, Катя не ждала выговора и была более чем уверена, что за такую малость ее не уволят. Она была на хорошем счету среди сценаристов, работала со своей фирмой уже на четвертом сериале, и хотя работа была договорная, по сути временная, Катя привыкла ее считать чем-то постоянным. Два с половиной года назад, когда она только пробовалась на это место и участвовала в конкурсе, должность сценариста была овеяна для нее почти сказочным флером. Карина, к тому моменту уже год работавшая на сериалах сюжетчиком, предупреждала подругу: «Сбавь эмоции, кино здесь ни при чем. Творчество тоже ни при чем. И талант тут не нужен. И вообще – погаси фары и успокойся! Это конвейер!» Она, как всегда, оказалась чересчур радикальна в своих оценках, но Кате пришлось согласиться с нею в главном – литературный труд, поставленный на поток, заключал в себе очень мало творческой свободы. Он отнимал много сил и нервов, но давал стабильный доход; порою Катя получала от него некоторое удовольствие, но чаще воспринимала, как повинность… В целом эта была надежная гавань, где она надеялась задержаться подольше, так как не относилась к людям, любящим частые перемены. До сих пор Катя не боялась за свое будущее – ее только хвалили. Правда, похвалы эти имели чисто платонический характер, зарплату ей не повышали, премий не назначали, но девушка считала, что гарантированная тысяча долларов в месяц – не повод просить прибавки. Ее более требовательная подруга оценивала свой труд дороже, однако оставалась на проекте, а значит, все же была довольна этим местом. «А если Карина довольна – мне и подавно нечего волноваться!» – говорила себе Катя. Она и не волновалась до последнего времени… Но месяц назад в сценарной группе появилась новая редакторша, и девушку все больше тревожило, что у них до сих пор не нашлось общего языка.

«Хотя у Светланы ни с кем из наших контакта нет», – утешала себя Катя, вспоминая леденящие душу взгляды новой начальницы. Та на всех смотрела с плохо скрытым подозрением, и в ее присутствии подчиненных невольно начинали мучить угрызения совести. Вспоминалось все – небрежно написанная «пустая» сцена, критическое слово в адрес начальства, сказанное за обедом, не сданный вовремя текст… Еще никто не был наказан, но морально все уже приготовились к экзекуциям. «Пока что я к вам присматриваюсь, – вымолвила на днях Светлана, сопровождая это признание жуткой улыбкой. – Но мнение о каждом из вас у меня уже составилось».

Узнавать это мнение, а также опаздывать и привлекать к себе лишнее внимание Кате не хотелось. Девушка торопливо собрала сумку, набросила куртку и выскочила из квартиры, на ходу хлопая себя по карманам, проверяя наличие телефона, кошелька и ключей. Позже, томясь от духоты в вагоне метро, Катя никак не могла вспомнить, закрыла ли входную дверь.

– Прошу прощения, – задыхаясь, выговорила она, приотворив дверь кабинета, где заседали сюжетчики. – Я…

– Садись и слушай! – Светлана вынула изо рта карандаш и ткнула обгрызанным концом на свободное место за круглым столом. – Твою серию обсуждаем.

– Мою? Без меня? – Катя протискивалась к своему стулу за спинами коллег. Лицо горело – по коридорам «Мосфильма» она уже бежала, в панике глядя на настенные часы, щедро развешанные на каждом шагу. – Как это?

– А что делать, если тебя не было? – возразила начальница, устремляя на нее загадочный, неподвижный взгляд маленьких черных глаз. «Она смотрит, как ящерица – без всякого выражения!» – сказала как-то про нее Карина.

– Я пыталась позвонить из маршрутки, но телефон не брал… – Катя с трудом перевела дух. – Я задержалась, потому что… Понимаете, у меня соседка из окна выбросилась.

С минуту Светлана смотрела на нее, сдвинув брови, словно обдумывая, как отреагировать на это сообщение. Эта зловещая пауза кончилась, как обычно, ничем – она просто опять уставилась на экран своего компьютера. Карандаш несколько раз стукнул по столешнице. Все молча ждали, когда редакторша заговорит. Одна Карина не совладала с любопытством и шепотом поинтересовалась у подруги:

– Что, с седьмого выбросилась? Насмерть?

– Да, – еле слышно ответила Катя. Ей не хотелось снова привлекать к себе внимание.

– Я ее знаю?

– Я сама ее почти не знаю.

– Так, фрау, обсудите свои секреты за чашкой кофе, – внезапно очнулась Светлана, оторвав взгляд от экрана. – А пока хотелось бы понять, что ты, Катерина, хотела донести до нас вот этой сценой, где внезапно является медсестра. К чему она тут? Новое действующее лицо, новый интерьер, а что, почему – до меня не доходит. Ты о производстве думаешь иногда, нет? Понимаешь, сколько оно стоит? Это же не бумага, которую ты пачкаешь, моя драгоценная, это кино!

– Новый интерьер? – пробормотала Катя, пытаясь вытащить из сумки ноутбук. Тот некстати застрял, «молнию» заело, и чем больше девушка торопилась, тем хуже подавался замок. – Сейчас я посмотрю… Неужели там новый интерьер?

– Такое впечатление, что ты это с бодуна писала, – Светлана с интересом следила за ее попытками извлечь ноутбук. – А мне тебя еще хвалили… Не знаю, по-моему, зря. Да что там у тебя?

– «Молния»… – Катя отчаянно дернула замок и едва не выронила сумку. Ее перехватила Карина. В ее длинных гибких пальцах «молния» открылась сразу. Ставя на стол ноутбук, она успела шепнуть подруге:

– Да успокойся ты, она с утра уже всех обхамила. Дыши ровнее.

Следующие полчаса, пока обсуждали и коллективно переделывали злополучную сцену, Катя старалась вообще не дышать. Она молча принимала критику коллег по группе, с горящими щеками слушала язвительные реплики Светланы и мечтала только о том, чтобы эта пытка скорее кончилась. По ее расчетам скоро должен был наступить перерыв. Начальница была отчаянной курильщицей, а так как все руководство компании было почти поголовно некурящим и к тому же активно сотрудничало с еще более некурящими американцами, Светлане приходилось объявлять коротенькие перерывы чуть не через каждый час. Дольше она без сигареты не выдерживала – у нее, словно от сильной зубной боли, искажалось лицо, голос становился резким и крикливым, и выглядела она такой несчастной и напряженной, что Катя в такие минуты даже меньше ее боялась. «Эта мегера тоже имеет слабости… Да только мне это никак не поможет».

– Перекур, – Светлана порывисто поднялась из-за стола и, уже стоя, одним пальцем впечатала в текст последнюю фразу. – Десять минут. Не разбегаться!

– Светлана Викторовна, – бросился к женщине бледный сутулый парень, сидевший рядом с нею, – можно, я пока посижу за вашим компьютером, посмотрю поэпизодный план на завтра?

– Смотри, коли хочется, – снисходительно разрешила та и вышла из кабинета. За ней потянулись остальные курильщики. Карина, однако, осталась на месте. Она не сводила глаз с парня, уже усевшегося на место редакторши, и наконец, не выдержав, окликнула его:

– Петя, что ты с нею сделал? Как она тебе разрешила?

– Не мешай, пожалуйста, – откликнулся тот, впившись взглядом в экран. – Я пытаюсь работать.

– Отстань от него, – прошептала Катя, трогая подругу за локоть. – Охота тебе…

– Рожденный ползать – везде пролезет, – таким же шепотом ответила Карина. – Всего неделю на проекте, а уже в фаворитах. Заметила, как он вокруг нее увивался все эти дни? Спорим, через полгодика он будет главным автором на каком-нибудь новом сериале? Паренек с амбициями.

– Потише, если можно, – кротко попросил Петя, все еще не поднимая глаз. – Можно и в коридоре поговорить.

– Можно, – согласилась Карина. – И в туалете тоже можно. Но нам удобнее здесь.

В другое время эта словесная пикировка окончилась бы настоящей перепалкой. Отношения внутри группы сложились непростые, почти все сценаристы были друг с другом на ножах, а те немногие, что ладили с коллегами, как правило, оказывались стукачами. Интриги, сплетни, зависть, ревнивое наблюдение за чужими успехами и провалами – все это, казалось Кате, являлось неотъемлемой частью написания сериалов. Но сегодня Карина была увлечена иным событием, и даже внезапное возвышение новенького не могло ее долго занимать. Она лишь бросила в сторону Пети: «Ладно, старайся!» – и вновь обратилась к подруге:

– А кто выбросился-то? Ты с ней, значит, незнакома? Видела тело?

– Слава Богу, нет! – выдохнула та, прикрывая глаза и пытаясь вызвать образ черноволосой девушки, похожей на античную богиню. – Я видела ее только живой… Она очень красивая! Была… Просто на редкость!

– А отчего выбросилась? – Любопытство Карины было уязвлено еще больше. – Уже известно?

– За стеной какой-то скандал начался на рассвете, я даже на балкон выглянула, думала возмутиться… Но к этому моменту она уже спрыгнула. На балконе стояли только ее мать и сестра.

– Ужасно, – Карина содрогнулась, поводя узкими плечами, обтянутыми тонким черным свитером. – У них на глазах спрыгнула?! От такого можно с ума сойти!

– Эти не сойдут, – с внезапной уверенностью возразила Катя. – Они вообще не были потрясены. Так, растерялись.

До сих пор она не понимала, отчего утреннее событие так ее мучило, ведь в конечном счете гибель соседки не имела к ней никакого отношения. И вот сейчас это смутное ощущение оформилось в слова – мать и сестра погибшей девушки отреагировали на ее страшный прыжок довольно странно. Катя не услышала в их возгласах и тени горя. Отчаяние, ужас, запоздалое раскаяние – вот чего можно было ожидать от них в первые минуты после смерти дочери и сестры. «А они продолжали ругаться друг с другом – беги, не спи, чего стоишь, дура… Милая семейка, нечего сказать!»

– У тебя такой вид, будто это тебя лично касается, – подруга не сводила с нее внимательного взгляда. – А говоришь, не знала ее! Ты в самом деле из-за этой самоубийцы опоздала?

– Еще меня Сережа бросил, – машинально ответила Катя, а когда опомнилась и увидела расширенные глаза подруги, исправлять ошибку было поздно.

– Я знала… – после минутной паузы выговорила Карина. В ее голосе звучало сочувствие, смешанное с запоздалым пророческим пафосом. – Этим должно было кончиться.

– Ну, так и не удивляйся, – бросила Катя с неожиданным озлоблением. – И не надо меня жалеть! Я вот не знала, и ничего, как видишь – пережила! С балкона не спрыгнула!

– А что он сказал?

– Отвали!

– То есть, – не поверила Карина, – вот так вот, прямо…

– Это я тебя прошу – оставь меня в покое, хотя бы сегодня! Неужели трудно понять, что я не хочу говорить о нем!

Катя с трудом сдерживала накипающий гнев. Ей хотелось закричать, отхлестать по щекам назойливую подругу, которая требовала откровенности так бесцеремонно, как будто имела на это полное право. Прежде Катя первая предложила бы ей свою исповедь, выложила все в подробностях, обнажила бы все раны – это продолжалось из года в год и давно стало обычным ритуалом. Карина знала о подруге столько, что уже воспринимала ее личную жизнь как часть своей собственной. Катина реакция ее не обидела, а изумила. Откинувшись на спинку стула, она недоуменно смотрела на подругу. Ее миндалевидные карие глаза сузились, густые брови сошлись на переносице. Казалось, она не в силах была поверить, что ее искренний интерес отвергнут столь грубым образом.

– Я сама тебе все расскажу, потом, – Катя почувствовала легкие угрызения совести, и чтобы не скатиться в извиняющийся тон, повернулась к своему ноутбуку. – Да и нечего рассказывать.

– Как хочешь, – сдержанно ответила Карина и слегка отодвинулась вместе со стулом.

Перекур закончился; сценаристы, возглавляемые Светланой, снова разместились за круглым столом, и вплоть до обеденного перерыва подруги не обменялись ни словом. Разгромив серию, написанную Катей, редакторша, не переводя духа, взялась за Карину, а так как та обладала несдержанным характером и часто давала отпор, обстановка в кабинете накалилась – запахло паленым. Женщины обменивались взаимными претензиями, высказывая их все в более язвительной форме. Светлана предположила, что сюжетчица написала свою серию походя, за пару часов, «пока сидела в застрявшем лифте». Подобные экстравагантные обвинения были ее коньком. Карина, давно уже выведенная из себя нападками, ответила, что в этом самом лифте она вместе с начальницей не сидела, на брудершафт с ней не выпивала и вообще хотела бы в рабочее время обсуждать творчество, а не личности.

– Ненавижу бабские коллективы, – неожиданно заявила Светлана, выслушав ее гневное замечание. – У всех амбиции, а таланту – на грош! Вот ты, Полыхало, чего в пятую позицию становишься? Редактируют твой бред, так скажи спасибо! По-хорошему, этому мусору место в помойке.

– Этот мусор предложили вы сами! – взвилась Кристина. Она издевалась над своей работой, называя ее низкопробным сочинительством и литературным конвейером, но посторонних насмешек над своим творчеством не терпела. – Вторую неделю пишем по вашему сюжету!

– То-то, что писать надо уметь! – Черные маленькие глазки начальницы были бесстрастны и холодны, словно в ее жилах текла кровь пресмыкающегося. – Ты, Полыхало, себя Даниэллой Стил не воображай.

– Очень надо! – возмутилась та. – Нашли гения…

– Если бы ты умела писать, как она, – беспощадно заявила Светлана, – ты бы имела в месяц миллион долларов, а не твою жалкую тысячу. А пока сидишь здесь на ставке – будь добра, не демонстрируй свою дурость! Серию читать невозможно.

– Только мою или вы вообще всеми недовольны?!

– Да все вы тут хороши, – отчего-то вдруг подобрев, заметила редакторша. – Ладно, займемся делом.

В любой другой день Катя попробовала бы остановить расходившуюся подругу – дернуть ее за рукав, пнуть под столом, шепнуть: «Не кипятись!» Две южные крови – армянская

и украинская – мешали Карине относиться к чему-либо спокойно, а оскорблений она вообще сносить не умела. Однако сегодня Катя ни во что не вмешивалась. Она едва прислушивалась к перепалке, глядя на экран своего ноутбука, но видела не текст, ставший камнем преткновения, а лицо погибшей девушки. Оно вспомнилось ей с удивительной ясностью, словно выхваченное из прошлого лучом прожектора, и в этом сильном свете показалось ей еще красивее. Теперь от него не отвлекала ни современная одежда, ни резковатый, довольно вульгарный выговор девушки – Катя видела только лицо и только теперь понимала, что встречать подобный образец классической красоты ей еще не доводилось никогда. «Разве что в музеях, среди статуй и картин, но там это мрамор, масло, а здесь – живое дыхание, плоть и кровь… Какой ужас, какая жалость, что такая красота погибла! Что же там случилось, за стеной?»

Когда сценаристы спустились в столовую, обиженная Карина сделала попытку сесть за другой столик, но Катя, наконец опомнившись, выхватила у нее поднос и поставила рядом со своим:

– Еще не хватало нам с тобой ссориться!

– Я не ссорюсь, – заметила та, усаживаясь за стол. – Просто ты нынче вся в себе. Не хочется мешать, еще нарвешься на грубость. Мало мне мадам Милошевич!

Такую громкую фамилию носила редакторша, и в первые дни после ее воцарения это было поводом для шуток. Однако Светлана умудрилась нагнать на сценаристов такого страху, что веселье быстро сошло на нет. Она и сама по себе сделалась пугалом, фамилия оказалась лишним довеском.

– Я все думаю об этой девушке… – призналась Катя, удрученно разглядывая тарелки на подносе. Есть ей не хотелось совершенно. – Сама не ожидала, что меня это так заденет. Понимаешь, это все равно, как если бы на моих глазах драгоценную статую разбили или знаменитую картину кислотой облили. И так в этом мире красоты все меньше, и вот сегодня еще частица погибла. Почему, зачем? Я уверена, там какая-то нелепость.

– С ума сойти, – проговорила Карина, с усилием проглотив плохо пережеванный кусок. Стычка с начальницей отнюдь не лишила ее аппетита. – Я думала, ты заговоришь о Сереже, а ты о… И все утро только о ней думаешь?!

– Она просто вышибла его у меня из головы, представляешь? – Катя с изумлением поняла, что говорит правду. Она так мало думала о Сергее, словно их разрыв произошел по меньшей мере год назад. – Наверное, если бы не она, я бы пришла с опухшими глазами. Что скрывать, он меня смешал с грязью. Когда вот так бросают после двух лет, начинаешь себя презирать. Ищешь в себе недостатки, и понятно, находишь сразу кучу…

– Только вот этого не надо! – мигом пресекла ее самобичевание Карина. Она заметно ободрилась – подруга заговорила совсем как в прежние времена. – Никому эти твои самораскопки не нужны, и тебе самой меньше всех! Еще скажи, что он заслуженно тебя бросил! Сколько раз говорить – не смей раскисать, скажи себе, что он – барахло – и забудь!

– Вот именно, сколько раз… – иронично улыбнулась Катя этому наигранно-бодрому совету. – Когда тебя бросают и бросают, барахлом начинаешь считать себя. Да ты не переживай, я справлюсь. Справлялась ведь уже.

– Боже, куда мужики смотрят! – вздохнула подруга, возмущенно сдвигая густые брови, которых почти не касались щипчики. Эта черта придавала ее лицу диковатый вид, что, впрочем, очень ей шло. Карина вообще предпочитала стиль «саваж» – разбросанные по плечам кудрявые черные волосы, леопардовые узоры на одежде, экзотические украшения. Сегодня в ее ушах качались тяжелые золотые серьги, украшенные бирюзой и янтарем. Карина тряхнула головой, и дикарские подвески зазвенели. – Ты ведь хорошенькая, тебя даже твоя ужасная одежда не портит!

– Спасибо, – сдержанно отозвалась Катя, но подруга не заметила ее иронии.

– Знаешь, чем больше я узнаю мужчин, тем меньше хочу замуж! – заявила она, воинственно размахивая вилкой. – Ну, что это за хомо сапиенс, если их надо ловить на какие-то первобытные приманки! Прическа, тряпки, макияж, немножко вкусной готовки и много лести – и за это они простят тебе и плохой характер, и глупые разговоры, и лень, и истерики, и все, что захочешь… И еще скажут друзьям, что им сказочно повезло, а те, козлы, будут завидовать и пытаться тебя закадрить. А выйдешь из образа, перестанешь их морочить, покажешься в старом халате – непременно бросят!

– Ну, не все же такие, – робко возразила Катя, но подруга пришпилила ее к месту беспощадным замечанием:

– Твой опыт говорит, что все! И мой, кстати, тоже, только я их сама бросаю, когда становится невмоготу. Нельзя ведь жить с человеком, которого презираешь! Во всяком случае, я не могу. Даже за большие деньги. Давай пойдем сегодня в ресторан? Отметим твое освобождение!

– Да я и так всю ночь в ресторане просидела, отмечала… – Девушка отодвинула прочь поднос с обедом. – Не могу есть. Хочешь, забирай все себе. Угостишь меня кофе, и квиты!

Карина с удовольствием приняла предложение – аппетит у нее был, как она сама выражалась, варварский. За всю жизнь она ни разу не сидела на диете и тем не менее оставалась обладательницей эффектной фигуры. Пышная грудь, округлые бедра и тонкая талия – мужчины раздевали ее взглядами, подруги, сжав зубы, завидовали, сама же она, пожимая плечами, говорила, что такая фигура мешает ей спокойно жить и работать.

– Меня не воспринимают всерьез, – жаловалась она Кате. – Люди считают, что к такому бюсту мозги не прилагаются.

И Катя сочувственно кивала, думая при этом, что согласилась бы мириться с такой проблемой. Сама она пользовалась успехом только у определенного типа мужчин. Это были спокойные, серьезные, не склонные к авантюрам кавалеры лет сорока, и как на подбор все поголовно женатые. Сергей тоже относился к этой категории. Это был уже пятый ее роман, первый она завела ровно десять лет назад, и тому возлюбленному тоже было под сорок… «Такое впечатление, что я встречаю одного и того же мужчину. Это как в блюзе, когда повторяется одна и та же тема, в разных вариациях. Кажется, что-то новое, а на самом деле это уже было».

Покончив с двумя обедами, умиротворенная подруга сходила к стойке бара и принесла два кофе. Она уже поглядывала на часы – перерыв кончался, а ей нужно было еще успеть в курилку. Столовая постепенно пустела, девушки остались одни за столиком, заставленным подносами с грязными тарелками.

– Скажи, – Карина пытливо взглянула поверх чашки, поднесенной к губам. – Мне кажется или ты на этот раз перенесла все спокойнее? Я имею в виду Сергея.

– Наверное, становлюсь взрослее, – Катя осторожно сделала маленький глоток. – В конце концов надоело терзаться из-за одной и той же чепухи. Кончено, значит, кончено. Это опять был не тот человек.

– А если тот так и не появится? – сощурилась подруга. – Может, его проще соорудить из подручного материала? Знаешь, иногда их удается переделать под себя… Лично я только жду подходящей заготовки. Не хочется переделывать все, понимаешь? Адский труд.

– Ну нет, – решительно произнесла Катя, делая последний глоток и поднимаясь из-за стола. – Я никого переделывать не буду и сама притворяться другой не желаю. Пусть все будет, как будет. Останусь одна – значит, так суждено.

И подруга иронично поаплодировала этим словам. Из столовой они вышли вместе, Карина отправилась в курилку, на ходу доставая сигареты, а Катя задержалась перед доской объявлений. Сюда руководство компании вывешивало приказы, листовки с информацией и открытки с поздравлениями. До окончания перерыва оставалось десять минут, и девушка принялась изучать доску, чтобы убить время. «Нужны сценаристы на новый проект, прием на конкурсной основе… Пока мне это ни к чему, слава Богу. Набор в школу сценаристов и режис-

серов, обучение за свой счет, лучшим выпускникам – работа в компании. Хорошая приманка для выкачивания денег! Плати, учись, становись лучшим – а потом получай нашу зарплату минус налоги. Поздравляем… О, у мадам Милошевич сегодня день рождения! Неужели?!»

Катя еще раз перечитала красивую открытку, украшенную матерчатыми фиалками. Поздравление появилось на доске только этим утром, вчера его не было. «И никто из наших не обратил внимания! Что же делать? Поздравить ее? После разноса, который она мне устроила… Это будет подхалимством. А не поздравлять – тоже нехорошо. У человека все-таки день рождения, и теперь все об этом знают».

У дверей кабинета, где заседали сценаристы, она столкнулась с Петей. Точнее, с букетом, который тот осторожно нес перед собой. Оранжевые герберы, огненные астромерии и лиловые папоротники – композиция была феерически яркая и выглядела роскошно.

– Хорошо, что догадались! – Катя одобрительно осмотрела букет и полезла в сумку за кошельком. – Я войду в долю.

– А я не собираюсь с тобой делиться! – высоким истеричным голосом выкрикнул парень. – Хочешь поздравить – иди купи цветы сама. Дай пройти!

– Я думала, это от всех, в складчину… – пробормотала девушка, пропуская его вперед. – И нечего так орать!

– Светлана Викторовна! – Петя больше не слышал ее. Он бросился к редакторше, которая уже сидела на своем месте и разбирала бумаги с записями. – Позвольте поздравить вас с днем…

– Что это? – отрывисто спросила та, подняв глаза на возникший перед нею огненный букет. – В честь чего?

– У вас день рождения, – настаивал Петя, хотя заготовленная улыбка заметно померкла под неподвижным взглядом начальницы. А смотрела Светлана так недобро, словно вместо букета ей сунули под нос нечто отвратительное – очередную бездарную серию, например.

– Ну, так и что? – оборвала его женщина. – Совершенно ни к чему эти веники по тысяче рублей. Убери, мне мусора на столе не нужно.

И так как ошеломленный даритель продолжал стоять столбом, держа в вытянутой руке злополучный букет, редакторша сделала выразительный отгоняющий жест – брезгливый и неприязненный, словно пыталась отмахнуться от назойливой осы.

– Я не ясно выразилась?!

– Страшная женщина, – шепнула Карина на ухо подруге. Обе уже сидели на своих местах и, затаив дыхание, наблюдали за фиаско, постигшим галантного коллегу. На Пете лица не было – он, правда, отступил от стола и опустил букет, но все не решался спрятать злополучный подарок. Удар был сокрушительный. Он усугублялся тем, что был нанесен в присутствии всей сценарной группы. Злорадствовали все – Петина вылазка к начальственному компьютеру настроила против него как заядлых подхалимов, так и тех, кто, подобно Кате, предпочитал держаться подальше от интриг, раздиравших группу.

– Отказалась от цветов, – зловеще шептала Карина, наблюдая за бесславным отступлением своего недруга. Потоптавшись еще немного за спиной у Светланы, тот вернулся на рабочее место и спрятал шуршащий букет под стол. – Очень плохой знак. Она еще меньше человек, чем я думала!

– А мне кажется… – начала было Катя, но подруга не дала ей договорить, крепко сжав ее руку.

– Т-сс! Это еще кто?

Катя поймала направление ее взгляда и тоже посмотрела на дверь. Теперь и она заметила девушку, неслышно вошедшую в кабинет и застывшую в ожидании, что на нее обратят внимание. До сих пор ее никто не видел, все были заняты Петей. Наконец и до Светланы дошло, что все сценаристы смотрят на дверь. Она повернулась к гостье:

– Вам что?

Тон ее вопроса был так резок, что невинная, в общем, фраза могла быть воспринята как оскорбление. Однако девушка не смутилась и не обиделась. Бледно улыбнувшись тонкими губами, не тронутыми помадой, она отделилась от дверного косяка и представилась:

– Меня приняли в группу, я прошла по конкурсу.

– Этого еще не хватало! – буркнула Светлана негромко, но явственно. Однако новенькая по-прежнему не смущалась. Оглядевшись, она заметила свободный стул и принялась к нему пробираться, не дожидаясь приглашения занять место. Девушка была худенькой, как подросток, и подниматься, чтобы пропустить ее, никому не пришлось. Она уселась рядом со сконфуженным Петей и с очень довольным видом положила перед собой на стол большой блокнот и ручку. В общем, она имела вид человека, который наконец получил что-то очень желанное, и мелкие неприятности не могут испортить ему настроение.

– Представься нам хотя бы, – узнав, что гостья является всего-навсего очередной сценаристкой, Светлана мгновенно принялась говорить ей «ты». – А то обрадовала меня и села.

– Лариса, – приподнялась с места новенькая и, подумав секунду, добавила: – Петрищева.

– У кого раньше работала? – отрывисто поинтересовалась начальница. В ее голосе звучало явное опасение, что ей подсунули очередного непрофессионала, и она оказалась права. Новенькая беззастенчиво созналась, что прежде сценариев не писала.

– Но я прошла конкурс, – гордо добавила она. – С хорошими результатами.

– То есть написала пробную серию? – хмуро спросила Светлана.

– Две! – уточнила девушка. Она по-прежнему излучала довольство и оптимизм, зато редакторша мрачнела на глазах.

– Две пробные серии, и тебя уже суют на рейтинговый проект, – в ее голосе звучало подавленное бешенство. – Значит, в месяц ты обязана будешь выдавать четыре серии как минимум, а когда нас нагоняет производство, и все пять-шесть. И если ты с чем-то не справишься, за тебя будут работать твои товарищи или лично я собственной персоной. Причем все это – без прибавки к жалованью. Уяснила?

– Я постараюсь справиться, – безмятежно ответила та. Этот простой ответ, не заключавший в себе и тени бунта, взорвал Светлану. В ее маленьких черных глазках вспыхнул гнев, и, засучив рукав свитера, она постучала пальцем по циферблату своих наручных часов:

– Ты начала свой первый день с того, что опоздала! Не буду уж говорить на сколько!

– У меня…

Но Светлана не собиралась слушать объяснений. Обведя зловещим взглядом притихших сценаристов, она заявила:

– До сих пор это вам сходило с рук, но больше я терпеть не намерена! Сегодня же поговорю с начальством и буду добиваться учреждения системы штрафов! Я посмотрю, как вы будете отсыпаться, если при расчете начнут снимать тридцать процентов гонорара! На прежней фирме, где я работала, всех штрафовали, и это действовало!

– Но у меня объективная причина! – Лариса поднялась из-за стола, пытаясь привлечь к себе внимание расходившейся редакторши. При этом она наступила на спрятанный Петей букет, издавший громкое шуршание, и испуганно воскликнула: – Ой, что там?!

– Корова… – еле слышно прошипел ее сосед, бросая страшный взгляд под стол. Судя по выражению его исказившегося лица, великолепный букет погиб безвозвратно. Карина не удержалась от злорадной улыбки и толкнула локтем подругу, предлагая ей оценить комизм ситуации. Катя не ответила. Она сидела неподвижно, не сводя глаз с новенькой.

– У меня дома несчастье, – храбро глядя на редакторшу, заявила та. – Сестра погибла.

И после паузы, выслушав установившуюся тишину, девушка продолжала тоном примерной ученицы, доказывающей у доски вызубренную теорему:

– Она выбросилась из окна рано утром. Мама попала в больницу с сердечным приступом, я объяснялась с милицией, думала – вообще сюда не попаду… Освободилась поздно, решила все-таки приехать. Нельзя же пропустить первый день! Больше опаздывать не буду.

И, отчитавшись, села, на этот раз взглянув под стол, прежде чем вытянуть ноги. Светлана перевела слегка потускневший взгляд на Катю и поинтересовалась, впрочем, без тени иронии:

– Вы, часом, не в одном доме живете?

– Мы соседи, – откликнулась та, вспоминая день, когда дала этой девушке (Лариса представилась, но ее имя тотчас вылетело у Кати из головы) телефон сценарного отдела. Соседка каким-то образом узнала, чем занимается Катя, и спрашивала, как устроиться на эту работу…

– Привет еще раз, уже виделись, – кивнула ей Лариса и снова обратилась к редакторше, – вот она знает, что случилось утром, может подтвердить.

– Меня ваши дела не касаются, хотя, конечно, история печальная, – сказала Светлана, покусывая карандаш и переводя взгляд с одной девушки на другую, словно пытаясь решить, кто ее сильнее раздражает. – Больше всего меня беспокоит, как ты будешь вливаться в процесс, Лара.

Назвав кого-то раз, редакторша незыблемо повторяла эту же форму обращения. Так, Карину она называла не иначе как по фамилии, Катю с ее подачи все в группе звали Катериной, новенькую же Светлана, неизвестно почему, предпочла называть сокращенно.

– Раз вы соседки, ты, Катерина, будешь ей на первых порах помогать. Если она сроки сдачи завалит – спрошу с тебя в том числе.

Катя молча склонила голову в знак согласия. Впрочем, она не слишком прислушивалась к тому, что говорила начальница. Девушка не сводила глаз с Ларисы, пытаясь прочесть на ее лице хотя бы тень горя. «Я была права, – говорила она себе. – Ее это не волнует, ни капли. Она рада, что получила работу, довольна, что оправдалась перед начальством… А то, что сестра погибла несколько часов назад, – просто повод, чтобы объяснить опоздание».

И, словно почувствовав ее испытующий взгляд, Лариса повернула голову и дружески улыбнулась ей. Она была совсем не похожа на погибшую сестру. Птичий профиль, неровные желтоватые зубы, короткая мальчишеская стрижка, призванная скрыть плохие волосы, плоская грудь, прикрытая потертой джинсовой курточкой, – это была внешность, которую видишь тысячу раз и тысячу раз не замечаешь. Почти невидимка – человек толпы. Не встретив ответной улыбки, девушка отвернулась и раскрыла блокнот, а Катя все еще смотрела на нее, сравнивая это бесцветное лицо с тем, другим, ослепительным и уже мертвым. «Она все-таки пришла на работу. Несмотря ни на что пришла».

Глава 3

Остаток дня прошел на удивление мирно. Светлана снисходительно отнеслась к обсуждаемым текстам, подала сценаристам несколько дельных советов, касающихся сюжета (в такие минуты становилось ясно, за что компания платит ей высокую зарплату), а под занавес даже рассказала анекдот.

– Сталкиваются два «Запорожца», вылезают оттуда водители, обалдело смотрят друг на друга и спрашивают: «А где „Мерседес“? Вот и я, родные мои, глядя на вас, часто задаю себе этот вопрос… Свободны, увидимся в среду. И не опаздывать!

Последняя реплика относилась прямо к Кате. Та лишь кивнула, поймав на себе гипнотический взгляд начальницы. Они с Кариной первыми вышли из кабинета – подруги были выше того, чтобы пересиживать коллег, изображая служебное рвение.

– Знаешь, я даже не уверена, что Светлане нужен подхалимаж, – задумчиво произнесла Карина, на ходу доставая из сумки сигареты. – Видала, как она отделала Петю?

– А что же ей нужно? – отозвалась Катя. Они вместе вошли в курилку, пока еще пустую. Подруга щелкнула зажигалкой и жадно втянула в себя дым. – Я даже смотреть на нее боюсь.

– Может, я крамолу говорю, но мне кажется, она просто хочет, чтобы мы работали, – Карина тряхнула кудрями и серьгами, словно соглашаясь сама с собой. – В сущности, она дельная баба, и надо признаться, часто выдвигает здравые идеи… Я бы порадовалась, что у нас наконец появился такой редактор, но она мне лично омерзительна!

– Все время как будто угрожает, – подхватила Катя. – А уж хамит, как дышит!

– Такое впечатление, что она всех ненавидит, но этого же не может быть!

– Почему это? Может, она в принципе людей терпеть не может! Включая саму себя!

– Тогда мы пропали, – выдохнула вместе с дымом Карина. – Нас всех уволят.

– Смысл? Ведь придется взять других, а они могут оказаться еще хуже!

– Зато нам будет плохо, вот в чем смысл, – мрачно отозвалась подруга. Она хотела сказать еще что-то, но осеклась – дверь курилки приоткрылась.

– Здесь курят или где? – Новая сценаристка просунула в щель коротко остриженную голову и по-птичьи покрутила ею из стороны в сторону.

– Заходи, – отрывисто пригласила ее Карина. – Так ты что, в самом деле Катина соседка? А как в наш лепрозорий попала?

– Лепро… – попробовала повторить за нею Лариса, но тут же бросила эту попытку. – Да я попросила телефон у Кати, а когда решилась, позвонила и прошла конкурс. Оказалось, ничего сложного.

– Да уж, – иронически согласилась с нею Карина. – Проще, чем орехи дверью щелкать. Так ты раньше сценариев не писала? А где училась?

– В школе, – та достала из потрепанной сумки сигареты и коробку спичек. – Потом в техникуме, но не закончила… А что, это имеет значение?

– Никакого, – Карина рассматривала ее с откровенным интересом. – У нас у всех тут не пойми какое образование. Спасибо, если вообще какое-то есть. Хотя вот у меня, например, все-таки ВГИК.

– Хм, – новенькая усмехнулась самым уголком губ, и Кате стало не по себе от этой усмешки. Недобрая и скользкая, едва заметная, она мелькнула и пропала, но девушка уже не могла ее забыть. «Только злой и завистливый человек может так улыбнуться, – она не сводила глаз с Ларисы, раскуривавшей сигарету. – Злой, завистливый и скрытный!»

– Мне бы туда ни за что не поступить, – призналась Лариса, принимая дружеский тон и придвигаясь ближе к Карине. – Ни денег, ни связей…

– Да и у меня не было ни денег, ни связей, – пожала плечами та. – Да и что толку в этом образовании – видишь, ты и без него здесь очутилась. Катя, что молчишь? Твой кадр пришел, между прочим. Поддержала бы человека морально!

– Меня от дыма тошнит, я выйду, – коротко ответила она и захлопнула за собой дверь курилки. Ей и в самом деле стало нехорошо, но виной тому был вовсе не дым. Катя вдруг отчетливо поняла, что не желает морально поддерживать новую коллегу. Что она ее видеть спокойно не может!

«Но в чем дело? Разве Лариса виновата, что у нее погибла сестра? Разве я знала Викторию? Какое мне дело до того, что там случилось? Почему я смотрю на нее так, будто она в чем-то виновата и не имеет права улыбаться, болтать о пустяках, радоваться своей новой работе?» Она уговаривала себя успокоиться и пересмотреть свое отношение к новенькой, но все было бесполезно – Лариса вызывала у нее раздражение, граничащее с отвращением. «Она ведет себя так, будто ничего не случилось!»

Когда Карина с Ларисой появились на пороге курилки, они держались друг с другом так, словно были знакомы уже не первый год. Катя отметила это с некоторым удивлением – ее закадычная подруга отличалась разборчивостью и редко сходилась с новыми людьми с первой минуты. Однако Карина встретила ее недоуменный взгляд с непониманием:

– Что? Ты смотришь на меня так, будто у меня тушь потекла!

– Нет, все в порядке, – теперь Катя начинала жалеть, что отвергла предложение поужинать в ресторане. Ей хотелось поговорить с подругой, но начать разговор в присутствии Ларисы она не могла. – Ты сейчас домой?

Можно было напроситься в гости, даже с ночевкой – Карина недавно бросила очередного поклонника и с удовольствием провела бы полночи в задушевных разговорах. Но подруга разбила Катины планы, отрицательно звякнув серьгами:

– Мне только что позвонил… А, да ты о нем ничего еще не знаешь! Я с ним случайно познакомилась, тут неподалеку, на платной стоянке… Видишь, нужно использовать любые возможности! В общем, я не могу, у меня свидание. Если хочешь, подкину до метро, только прямо сейчас, не копайся!

– Мне бы тоже до метро, – с просительной интонацией проговорила Лариса. – А то я тут еще ничего не знаю…

– Ну, так идем! – И Карина помчалась к лифту, на ходу застегивая пальто. Лариса устремилась за ней. Катя нерешительно сделала шаг и остановилась.

– Ну, что там? – нетерпеливо обернулась подруга, уже нажимавшая кнопку вызова лифта. – Я не шучу, времени нет!

– Так беги, я не поеду, – приняв это решение, Катя перевела дух, словно в самом деле отделалась от серьезной проблемы. Она сама была поражена, насколько ей не хотелось общаться с новой коллегой. «Если я еще минуту пробуду с ней рядом, то прямо спрошу, как она может так себя вести после того, что случилось утром! Влезу не в свое дело, устрою глупую сцену, буду не права… Но я не могу видеть, как она сияет! Будто приз выиграла!»

Карина не успела возмутиться – как раз подъехал лифт. Она вскочила в него, махнула на прощание рукой и, выкрикнув что-то неразборчивое, уехала вниз вместе с Ларисой. Катя выждала десять минут, прежде чем тоже вызвала лифт. Ей не хотелось столкнуться с подругой в вестибюле и придумывать на ходу причину, по которой отказалась ехать. За это время она успела попрощаться со всеми сценаристами. Последней уходила Светлана, сопровождаемая Петей. Тот успел немного оправиться от своего поражения и следовал за редакторшей, почтительно прислушиваясь к ее эмоциональному монологу. Насколько уловила Катя, речь шла о методах наведения рабочей дисциплины в той компании, где прежде работала Светлана.

– Один чересчур умный сценарист подал на компанию в суд за нарушение трудового законодательства. Ни черта он не отсудил, работы лишился, а штраф все равно заплатил как

миленький! Я буду настаивать, чтобы здесь тоже начинали штрафовать за опоздания! Когда я прихожу на работу, то желаю видеть полный комплект сценаристов!

Светлана остановилась на площадке у лифта, Петя услужливо бросился нажимать кнопку. Катя, встретившись с редакторшей взглядом, смущенно отвернулась к окну.

– Катерина, что ты там пригорюнилась? – окликнула ее Светлана. – Решила опоздание компенсировать? Домой не торопишься?

– А меня никто не ждет, – неожиданно для себя самой откровенно ответила девушка. Она не могла понять, что побудило ее ответить именно так. Это был мгновенный порыв, граничащий с вызовом. Редакторша остановила на своей подчиненной долгий загадочный взгляд и, внезапно растянув губы в улыбке, кивнула:

– Может, оно и к лучшему.

– Что? – не поверила своим ушам Катя.

– Это не так уж плохо, говорю! – повысила голос женщина. – По крайней мере, нечего терять и нечего бояться.

Дальнейших объяснений не последовало – приехал лифт, и захлопнувшиеся створки скрыли от изумленной Кати начальницу и насторожившегося подхалима. «Все-таки она очень странная! – Девушка выдержала паузу и нажала на кнопку вызова. – Не понимаю я ее… А это хуже всего. Вот сделаю неверный шаг и мигом вылечу отсюда! Знать бы хоть, что ее точно раздражает, что нет… Одно утешение – она ко всем относится одинаково плохо. Вот и на новенькую нарычала, хотя та и пыталась сестрой прикрыться… Опять я о ней думаю!»

Двери подъехавшего лифта раздвинулись. Катя хотела было войти, но, подняв взгляд, невольно отступила на шаг. Из лифта выглянула Лариса.

– А я думаю, где тебя искать! – воскликнула она, увидев Катю, и вышла на площадку.

– А зачем меня искать? – передернула плечами та. – Что же ты не уехала с Кариной?

Дружески улыбнувшись, Лариса призналась, что чувствует себя неловко, оттого и вернулась.

– Я ведь так и не сказала тебе спасибо!

– Сперва пойми, стоит ли благодарить, – сдержанно ответила Катя. – Начальство у нас не мед.

– А где оно мед? – все так же доверительно заметила Лариса. – Стоит расстраиваться? Главное, будут платить.

– Они за эти деньги три шкуры с тебя снимут, – Катя взглянула на часы. – Ну, я домой.

– Погоди! – Лариса с неожиданной фамильярностью взяла ее под руку. Катя, с удивлением взглянув на нее, высвободилась. Та, не смутившись, повторила попытку. – Я хочу тебя ужином угостить в ресторане.

– О Господи! – Катя снова вырвала у нее руку, уже не скрывая раздражения. – И ты тоже?! В честь чего?!

– Ну, хотя бы в честь моего первого рабочего дня! – Лариса продолжала улыбаться, хотя уже менее уверенно. – Все-таки это ты меня сюда сосватала. Знала бы ты, как мне нужна была эта работа!

– Да уж, наверное, была нужна, раз ты в такой день сюда явилась, – бросила Катя, меряя новую коллегу взглядом. Чувства, которые она пыталась контролировать, прорвались неожиданно и оттого еще более бурно. – Сестра только что погибла, мать, говоришь, в больницу увезли, а ты как ни в чем не бывало…

– Поэтому ты так на меня смотришь? – догадалась та. На бледном худощавом лице этой девушки-подростка появилась слабая тень румянца. – Ты думаешь, мне все равно, что она умерла? Что я…

– Я ничего не думаю, – резко остановила ее излияния Катя. – Это твое личное дело.

– Ты меня считаешь чудовищем, да? – в голосе Ларисы уже звучали истеричные нотки. Ее нижняя губа отчетливо мелко задрожала, словно ее кто-то быстро дергал за невидимую нитку. – А знаешь, что у меня сейчас в душе творится?!

– Так тем более, езжай домой или к матери в больницу, зачем мне твой ресторан. – Катя видела, что девушка вот-вот заплачет, но никак не могла справиться с обуревавшими ее чувствами и против воли говорила отрывисто и грубо. – Ничего ты мне не должна.

– Домой? – та словно не слышала ее. – В больницу? А если я не хочу сейчас мать тревожить? Если мне домой идти страшно? Если я хотела посидеть где-нибудь, где много людей, светло, весело и музыка играет?

– Извини, – Катин боевой настрой внезапно исчез. Теперь она испытывала раскаяние из-за того, что так беспощадно осуждала эту девушку. Лариса, отвернувшись к стене, по-мальчишески утирала слезы сжатым кулаком. Порывшись в сумке, Катя отыскала носовой платок.

– Возьми. Да бери же! И прости, если я сказала лишнее. У меня настроение ужасное.

– Так может, – всхлипывая, та взяла платок и вытерла им глаза, – посидим вместе, выпьем? Я так хочу поговорить с кем-нибудь! Все, все рассказать!

Если бы не это последнее восклицание, Катя скорее всего снова отвергла бы приглашение. Но «все-все» относилось к девушке, воспоминание о которой не давало ей покоя весь этот долгий день. Лариса обернулась и выжидающе смотрела на нее, машинально продолжая вытирать платком сухие щеки.

– Хорошо, пошли, – решилась наконец Катя. – Я знаю неподалеку одно место. Но с условием – счет пополам.

Ресторан, куда она привела свою новую знакомую, был хорошо известен всей сценарной группе. Это было скромное заведение, переделанное из советской столовой самообслуживания и сохранившее прежнюю планировку. В одном углу зала располагалась барная стойка с непритязательным выбором напитков, в другом – дверь в кухню, откуда появлялись официантки с подносами – все, как одна, некрасивые блондинки с измученными лицами и апатичными движениями. Интерьер отличался скупой банальностью, кухня смахивала на домашнюю, но была не так вкусна. Катя бывала здесь не раз в обществе Карины и других коллег из группы. Сюда заходили, чтобы отметить какое-нибудь событие, для которого буфет на работе казался слишком казенным местом. Здесь можно было курить, и местные официантки могли многое порассказать об упившихся в прах сценаристах. Барменша кивнула вошедшей Кате как старой знакомой.

– Заказывай смело, тут все можно есть. – Усевшись за столик, Катя достала мобильный телефон и взглянула на экран. Приходя на работу, она отключала звонки вызовов, чтобы не раздражать начальство.

«Сергей не позвонил. Хотя почему он должен был позвонить? Разве не все ясно?» Кате не хотелось признаваться себе, что, несмотря на безоговорочный разрыв, она все еще ожидала чего-то. Звонка, sms, каких-то слов, которые так и не были сказаны в эту мучительную бессонную ночь. Она была даже благодарна Ларисе, которая отвлекла ее от нахлынувших горьких мыслей.

– Я бы сразу выпила, – предложила она, заглянув в меню. – Водки, да? Или ты против?

– Пей, что хочешь, я этого не люблю, – отмахнулась Катя.

Когда им принесли заказ, Лариса торопливо налила в свою рюмку холодной водки из графинчика и жестом поторопила Катю:

– Ну, давай же, пора расслабиться!

А залпом проглотив водку, зажмурилась и сипло проговорила:

– Упокой, Господи, ее душу!

Катя отпивала из бокала грейпфрутовый сок и наблюдала, воздерживаясь от реплик. Она уже не знала, что думать об этой резковатой, мальчишеского вида девице. Лариса снова всплакнула и снова налила рюмку до краев:

– Помянем Вику? Неужели не выпьешь?

– Ну, давай, – решилась Катя и плеснула в свой сок немного водки. – Меня сразу развозит, но, наверное, хватит денег на такси. Вместе и поедем.

– Ты ведь видела, как это случилось? – Лариса отставила в сторону пустую рюмку и растерла ладонями раскрасневшееся лицо. – Видела, как она спрыгнула?

– Нет, – тихо ответила Катя. – Я вышла на балкон, когда все уже было кончено.

– Мы были в шоке, – Лариса перевела дух и достала сигареты. – Это случилось так вдруг, на ровном месте… Из-за глупости, из-за такой чепухи! Представляешь, мать не давала ей денег на сапоги! Вика требовала двести долларов, ну а у нас денег в последнее время кот наплакал… Я временно не работала, мать замучилась со своими суставами, перешла на полставки, а сама Вика…

Лариса с отчаянием махнула дымящейся сигаретой.

– Ее заработки можно не считать. Она все тратила на свои же тряпки!

– Ты хочешь сказать, что твоя сестра бросилась с балкона из-за сапог?! – не веря своим ушам, переспросила Катя.

– Они начали скандалить в десять вечера, – кивнула Лариса, глотая дым, – и всю ночь ходили друг к другу в спальни, включали свет, продолжали ругаться… Я не спала из-за них, сто раз просила успокоиться, мне же надо было сюда ехать! В пять утра Вика вдруг стала одеваться, решила уехать к подружке. Через полчаса открывалось метро… Мать набросилась на нее, стала кричать, что если Вика уходит – пусть убирается совсем, она тут никому не нужна со своими истериками!

Девушка прерывисто всхлипнула, заново переживая сцену, разыгравшуюся на рассвете.

– На самом деле, мама, конечно, так не думала! Она просто хотела, чтобы Вика пришла в себя, иногда ее можно было припугнуть… Они в принципе редко ругались, только из-за денег… А Вика сказала так зло, прямо процедила, – ладно, я уйду навсегда. Только… – Лариса задохнулась, глотая вновь прихлынувшие слезы, – она не к двери побежала, а к балкону! Мы за ней, думали, она комедию ломает, ну кто бросается с седьмого этажа из-за сапог?! А она, она… Закричала что-то, так страшно, непонятно, и выпрыгнула… Я понять ничего не успела, только вижу – ее нет уже на балконе… В первую минуту мне вообще показалось, что все это не по-настоящему, потому что вытворить такое из-за сапог… Из-за каких-то проклятых сапог!

– Ужас, – еле слышно произнесла Катя. Лариса залилась слезами, и она обращалась не к ней, а к самой себе. То, что ей пришлось услышать, звучало так неправдоподобно и дико, что плохо соотносилось в ее сознании с утренней трагедией. Девушка с лицом античной статуи погибла из-за нелепости, минутной истерики, из-за пары сапог… Выбрала такой страшный способ отомстить матери, такой способ самоубийства, который мог закончиться не смертью, а пожизненной инвалидностью, уродством, потерей человеческого облика, способности мыслить, чувствовать, осознавать свое существование на свете…

«Конечно, она не обдумывала ничего, не представляла своего изуродованного трупа, или инвалидной коляски, или коматозной койки… Просто взяла да спрыгнула, вернула Создателю все его дары, разом решила все вопросы. Как это глупо! Глупо, жестоко, никому не нужно!»

– Невозможно поверить, что все вышло из-за сапог, – Катя слегка отстранилась, чтобы официантка разместила на скатерти принесенные тарелки. – Закуси, не пей так… И вообще, лучше не пей. У нас из-за этого сразу вышибают из группы. На моих глазах уволили двух таких талантливых ребят! Они писали лучше всех нас вместе взятых, никогда не подводили со сроками сдачи, вообще никаких проблем не создавали. Только вот пили и, бывало, приходили на работу с похмелья или навеселе. Их и уволили, выбросили на улицу, как паршивых собак.

– Я не пьяница! – обиделась Лариса и, словно в подтверждение своих слов, отодвинула подальше полупустой графин. – Я и пью только потому, что мама сейчас в больнице. Если бы она учуяла, что от меня пахнет спиртным!

– И что бы она сделала? – Кате вспомнилась сцена, свидетельницей которой она стала неделю назад. Вика твердила тогда «она меня убьет» с такой горячей убежденностью, что Катя невольно обратила внимание на эти, в общем, банальные слова.

Захмелевшая девушка послала в пространство какую-то неопределенную, никому не адресованную улыбку. Улыбаться Лариса умела на редкость неприятно. «Словно кому-то назло!» – подумала о ней Катя.

– Она бы меня убила, – помедлив, проговорила девушка. Окурок сигареты, тлевший в ее пальцах, догорел до фильтра, и, почувствовав ожог, Лариса ойкнула: – Черт! В самом деле, я уже хороша!

– У вас такая строгая мать? – Катя припомнила теперь и рассказ Глеба о его неудачном ухаживании за красивой соседкой. Профессия сценариста приучила ее анализировать все услышанные истории с точки зрения их реалистичности или фантастичности. Картина случившегося за стеной становилась все более убедительной, по мере того как ее дополняли очередные свидетельства. Волевая женщина с четкими принципами и моральными устоями держит в кулаке двух повзрослевших дочерей. Те волей-неволей иногда бунтуют против такой опеки, но до сих пор неизбежные скандалы кончались ничем. Девушкам нельзя «просто так» гулять с кавалерами, нельзя пробовать алкоголь, по всей вероятности, много еще чего нельзя. Какое табу опасалась нарушить Вика? О чем она говорила своему неприятному кавалеру, стоя на крыльце неделю назад, когда Катя опаздывала в театр? Речь явно шла не о сапогах. «Да, но выбросилась она все-таки из-за сапог!» – с этой мыслью Катя никак не могла смириться.

– Мать у нас мировая, – пробормотала осоловевшая Лариса, разминая в пепельнице давно погасший окурок. – Знала бы ты… Она нас одна вырастила, всю жизнь ломила, как вол, только теперь начала сдавать… Надеялась, что отдохнет, выдаст нас замуж… И вот тебе – подарочек! Не ожидала я от Вики! Конечно, умом она у нас никогда не блистала, но такие-то вещи должна была соображать! Из-за каких-то калош – голова вдребезги! Ты видела ее?

– Нет! – Катю передернуло. – И не рассказывай, пожалуйста, как она выглядела! Скажи лучше, как это вы втроем не успели ее остановить? Неужели было не ясно, что она не в себе?

– Втроем? – зажав в зубах новую сигарету, Лариса безуспешно пыталась ее раскурить, чиркая зажигалкой и каждый раз поднося язычок пламени к пустому месту. – О чем ты?

– У вас там был еще какой-то мужчина! – настаивала Катя. – Я слышала голос!

– Может, на соседнем балконе и был, – с сомнением в голосе предположила девушка. – Но у нас, ночью… Откуда? Знала бы ты маму!

– Но я же слышала…

– Но не видела? – перебила ее Лариса. Ей удалось раскурить сигарету, и она села ровнее, словно справилась с хмельной слабостью. – Ведь не видела?

Кате пришлось признаться, что видеть она никого не видела.

– Говорю тебе, мы всех соседей перебудили своими разборками, ничего странного, что там кто-то подключился! Ты вот тоже выскочила на балкон, просила нас не шуметь!

– Как странно… Я слышала у вас на балконе мужской голос, – пробормотала Катя, разглядывая стоявший перед нею салат. Есть совсем не хотелось. Она со страхом начинала подозревать, что у нее опять начинается анорексия на нервной почве. В трудные минуты Катя обычно начисто теряла аппетит и выходила из передряги похудевшей килограммов на пять. При ее небольшом весе это было совсем излишним достижением. Любимые джинсы спадали с бедер, глаза загорались голодным лихорадочным блеском, а скулы начинали тоскливо торчать над впалыми щеками. Общее впечатление создавалось вовсе не элегантное, а какое-то изможденное. Катя заставила себя проглотить несколько листиков салата, с отвращением раз-

жевала бледный ломтик помидора и отодвинула тарелку. «Мне сейчас станет плохо! И зачем я выпила?!»

– Я думала, это жених твоей сестры или этот… Леша! – с трудом выговорила она, наливая себе минеральной воды.

– Кто?! – Лариса даже привстала. Теперь она выглядела совершенно трезвой, в расширенных серых глазах не было заметно и тени опьянения. Кате вдруг подумалось, что до сих пор девушка притворялась. – Жених? Откуда ты знаешь?

– Твоя сестра как-то говорила о нем во дворе, я случайно услышала. – Катя продолжала следить за своей новой знакомой, все больше убеждаясь, что Лариса абсолютно трезва. «Во всяком случае, на данный момент!»

– Вика о нем говорила? – словно не веря своим ушам, повторила та. – И что же?

– Ну что-то такое, будто мать хочет выдать ее замуж, а ей самой это не нужно. Будто у вас на этой почве постоянные ссоры, – сдержанно ответила Катя. Она решила не распространяться о том, в каких выражениях жаловалась Вика на притеснения со стороны матери.

– И кому она это рассказывала? – все так же недоверчиво поинтересовалась Лариса.

– Своему приятелю. Кажется, его зовут Леша. Знаешь такого?

Ее собеседница отрицательно качнула головой. Вид у нее был настороженный, она вдруг ссутулилась и теперь походила на взъерошенного воробья, только что вырвавшегося из кошачьих лап. Катя с удивлением заметила испарину, выступившую у нее на висках. Кондиционер в кафе работал исправно, а на Ларисе была только маечка с короткими рукавами – та самая, в которой она выскочила на балкон рано утром.

– Насчет жениха я вот что тебе скажу, – заговорила Лариса после долгой паузы, во время которой она что-то напряженно обдумывала. – Не всему верь, что сестра там наболтала. Вика рада была за него выйти, уже дала согласие. Мать вот в больницу попала, совсем изгрызла себя – что она ему скажет-то теперь? А его родителям? Это же ее хорошие знакомые! Что о нас люди подумают?!

– А это так важно? – нахмурилась Катя. – Я думала, твоей маме стало плохо с сердцем, потому что у нее дочь погибла!

– А ты ее не суди! – внезапно оскалилась Лариса. – Мать – пожилой человек, у нее свои понятия! Проживи жизнь, тогда рассуждай, что важно, что нет!

– Можно подумать, ты жизнь прожила! – парировала уязвленная девушка. – Сколько тебе лет-то?

– Двадцать два!

– Я думала, еще меньше, – слегка сбавила тон Катя. – Ну а мне двадцать восемь. Если ты так уважаешь старших, то нечего на меня зубами стучать! Я имею право на собственное мнение. Вас волновало, что люди скажут? Вот они и говорят!

– Что ты на меня набросилась? – внезапно отступила Лариса. Вид у нее был обескураженный, словно она впервые в жизни получила отповедь. – Я же с тобой откровенно говорю, ничего не скрываю. Ну, разумеется, мы с мамой любили Вику и теперь просто в шоке… Но мама еще страшно переживает из-за этой свадьбы! Ведь уже и день назначили… Боже мой, Антон еще ничего не знает! – простонала Лариса, кусая костяшки пальцев. – И я должна ему сказать! Ну, как это сделать, как?! Я слов таких не знаю!

– Антон – это жених? – догадалась Катя. – А когда она дала согласие на свадьбу?

– Да только что, два дня назад, – машинально ответила собеседница, поглощенная собственными эмоциями. – Боже мой, что делать? И как назло его мобильного телефона у меня нет, только домашний, а вдруг подойдет его мама?

– А раньше Вика была с ним знакома, с этим женихом?

Лариса как будто проснулась и удивленно посмотрела сперва на нее, потом на накрытый стол и почти нетронутый ужин.

– Как есть вдруг захотелось! – проговорила она, хватая вилку и принимаясь за салат. – Я ведь с утра ничего еще… А ты почему не ешь?

– Я уже сыта, – Катя взглянула на часы. Она совсем не рассчитывала так задерживаться, тем более начинало рано темнеть, а возвращаться домой впотьмах девушка боялась. «Хотя сегодня все идет шиворот-навыворот! Я чуть не поцапалась с Кариной, вступила в какой-то дикий разговор со Светланой, а теперь вот ужинаю с этой девицей, от которой сперва шарахалась… Такое ощущение, что меня сорвало с якорей и понесло в открытое море!» Она могла оплатить свой заказ, встать и уйти, тем более что возвращение домой в компании новой знакомой не доставило бы ей особого удовольствия… Но Катя не двинулась с места. История погибшей девушки обрастала новыми деталями, но, вместо того чтобы стать яснее, оказывалась все более туманной и загадочной. «Вика дала согласие на свадьбу два дня назад, значит, так и не поговорила с матерью о том, о чем собиралась. Или поговорила и потерпела фиаско. Значит, Леша ее бросил – он ведь угрожал, что терпеть больше не намерен. Все вроде просто и понятно, но… Почему она выбросилась с балкона из-за сапог?! У нее были более веские причины для самоубийства, если на то пошло! Бросил любимый парень – а она обожала этого Лешу, с первого взгляда было ясно, что он ею вертит, как хочет. Мать настояла, чтобы она вышла замуж за нелюбимого – ведь Вика признавалась, что ей этот жених не нужен! Вот из-за чего она должна была покончить с собой, а не из-за каких-то дурацких сапог!»

– Твоя сестра была знакома с этим женихом? – Как только Лариса оторвалась от опустевшей тарелки, Катя повторила вопрос: – Они раньше встречались?

– А почему ты спрашиваешь? – настороженно взглянула на нее та. – Конечно, они были знакомы. Не прежние времена, чтобы молодые впервые под венцом виделись.

– И он ей нравился?

– А я откуда знаю? – усмехнулась Лариса, принимаясь за остывшее жаркое. – Мы не особо-то откровенничали друг с другом. Общих тем было мало! У нее своя жизнь, у меня своя. Вика все перед зеркалом крутилась, потому что ей с детства в уши напели, что она хорошенькая, а я в это время училась, работала. У нее же образование – восемь классов! Она читала только этикетки да объявления о распродажах, и то по складам!

Последнюю фразу Лариса произнесла с презрением и плохо скрытым торжеством. Видимо, это обстоятельство нередко служило ей утешением, когда она сравнивала себя с красавицей сестрой.

– А почему вдруг такая спешка со свадьбой? – Катя не дала сбить себя с избранной темы. – Это твоя мама настаивала?

– Никакой спешки, – девушка удивленно подняла глаза от тарелки. – Свадьбу назначили на первое декабря. Вика сама это число назвала.

– Сама? И никто ее не принуждал идти замуж?

– Ты все не веришь! – в сердцах воскликнула Лариса. – Жаль, не видела, какое ей кольцо Антон на палец надел! И она была рада-радешенька, даже поблагодарить забыла от восхищения! Белое золото, в центре изумруд, а вокруг крестом – бриллианты, четыре штуки! Камни натуральные, не синтетика! Вика просто дар речи потеряла!

– Ну, раз дар речи потеряла… – протянула Катя. Рассказ о кольце окончательно ее озадачил. Будучи женщиной, она отлично понимала восторг, который испытала Вика, получив кольцо с бриллиантами. Сама Катя не была тряпичницей, но знала, что многие представительницы слабого пола черпают радость жизни лишь в нарядах и украшениях. Похоже, Вика относилась к этому обширному клану… «Тогда как она могла покончить с собой из-за такой чепухи, как сапоги, когда у нее на пальце было только что полученное кольцо с драгоценными камнями?! Да и не тринадцать лет ей было, в конце концов, это в таком возрасте совершают глупости, режут вены из-за того, что родители купили джинсы не той фирмы или на дискотеку не пустили!»

– А сколько лет было твоей сестре? – спросила она, все еще поглощенная своими размышлениями. Лариса, пользуясь паузой, успела съесть остывший ужин и теперь энергично жевала зубочистку.

– Двадцать, – девушка ловко выплюнула зубочистку, попав в пепельницу. – Мама считала, что единственный для нее путь – это выйти замуж и поскорее родить. Единственный приличный путь, конечно.

– А как считала сама Вика? – не удержалась от иронии Катя.

– У нее было слишком мало мозгов, чтобы считать, – ничуть не смутившись, ответила Лариса. – Ее вечно обманывали со сдачей. Кстати, сколько тут оставляют на чай? По-моему, нам пора домой.

Катя отделалась от своей спутницы уже во дворе, сославшись на то, что ей нужно завернуть в супермаркет. «Если бы не она, я бы еще долго за покупками не собралась!» Девушка с облегчением свернула за угол, попрощавшись с новой знакомой. Лариса, по всей видимости, легко сходилась с людьми. С Катей она держалась так, словно они были не только соседками, но и закадычными подругами. Расставаясь, Лариса попросила разрешения позвонить, если ей станет очень тяжело на душе. Обезоруженная этой просьбой, Катя замешкалась с ответом, но соседка предупредила его:

– Телефон у меня есть, ты сама дала, когда я просила совета насчет работы. Так я позвоню!

«Я дала ей телефон? Чего только не делаешь, когда тебя застают врасплох!» Войдя в супермаркет, Катя взяла проволочную корзинку и направилась прямо к полкам, где был выставлен растворимый кофе. Выбрав большую банку своего излюбленного сорта, она перешла в другой отдел и запаслась сухими сливками, сахаром и печеньем. Остальные покупки девушка сделала почти не глядя и без энтузиазма. Макароны, замороженные котлеты и несколько банок с консервами – этого по ее расчетам должно было хватить на ближайшую неделю. «Все равно кусок в горло не полезет, – рассуждала она, с сомнением разглядывая холодильник с йогуртами. – Взять, не взять? Вот знаю же, что их нужно есть, а терпеть не могу! И всегда у меня так, что полезно, то мимо рта!»

Раздавшийся за спиной оклик заставил ее вздрогнуть и обернуться. Рядом стоял Глеб с нагруженной до предела тележкой.

– Напугал?

– Я задумалась, – Катя открыла холодильник и достала упаковку из четырех йогуртов. Глеб по-хозяйски выхватил йогурты у нее из корзинки и заменил их другими.

– В этих хоть бифидокультуры живые, – пояснил он, встретив изумленный взгляд девушки. – Остальные – барахло с желатином и консервантами. Не очень-то верь рекламе! Покажи, чего еще набрала?

– Если придираться, то вообще ничего есть нельзя, – Катя попыталась спрятать корзинку за спину. – Ты что – диетолог?

– Я спортсмен, – гордо ответил тот. – Боксер, если тебе интересно.

– Почему-то я так и подумала. – Девушка двинулась к кассе, парень последовал за ней, толкая перед собой скрипучую тележку. – Значит, ведешь здоровый образ жизни?

– Не совсем, иногда курю, – признался Глеб, становясь в очередь к кассе. – Да у меня другая проблема, не дыхалка, а ноги. Я ведь в тяжелом весе, для меня это актуально – нагрузка на суставы, икроножные мышцы… ты не слушаешь?

Катя в самом деле перестала прислушиваться к его доверительному монологу. Разговоры о здоровье и спорте раздражали ее с детства. Она оплатила покупки, прихватив на кассе телепрограмму на следующую неделю. Глеб со своей тележкой задержался надолго, и она вышла на улицу, небрежно махнув ему на прощание. Общаться с ним совсем не хотелось. Ей не нравились парни такого брутального типа, часами рассуждающие о своих мышцах, диетах и спор-

тивных победах. «Хотя он вроде добрый. Вон позаботился о моем здоровье! – Она заглянула в пакет, где на самом верху лежали йогурты, навязанные Глебом. – Эти даже без фруктов! Точно есть не смогу. Лицо ими на ночь мазать, что ли? Может, не поздно поменять, чек-то остался? Да, но Глеб еще там, опять начнет придираться…» Катя оглянулась на двери супермаркета, и ее мысли приняли другое направление. «Может, я сама совершаю ошибку, что обращаю внимание на мужчин только определенного типа? Почему бы не завести роман с Глебом, например? Я ему, кажется, небезразлична! Карина как-то встречалась со спортсменом, и он очень уважал ее за интеллект и за сценарии. Прямо в рот смотрел! Правда, она его почти не видела, парень все время пропадал на сборах, а потом уехал на Зимнюю Олимпиаду в Солт-Лейк-Сити… Тут всему и конец, он стал звездой, а ей это не понравилось!» Девушка с улыбкой вспомнила, как они с подругой вместе сидели у телевизора и болели за российскую команду биатлонистов. Пока гонка не началась, Карина с пренебрежительной гримаской уверяла, что спортивные мероприятия ее только смешат. Когда же на трассу выбежала толпа лыжников с винтовками за плечами, темпераментная подруга вскочила с ногами на диван и прыгала на нем до тех пор, пока не промахнулась и не приземлилась на пол, довольно чувствительно ушибив колено и локоть. В пылу азарта она не заметила увечья и продолжала кричать: «Вон мой, вон мой! Жми-жми-жми! Ах немец, ах зараза, на нервы действует! Отрывайся! Да что ж ты! Ну! Ай-ай-ай!» И так далее, и тому подобное. – Катя даже уши прикрыла, спасаясь от этого пылкого монолога. Спортивными успехами своего кавалера Карина осталась довольна и уже сидела с мобильным телефоном, готовясь позвонить в Америку и поздравить любимого, как вдруг на экране появился сам герой-победитель. Обаятельно и немного смущенно улыбаясь, он признался репортеру, что к гонке готовился довольно своеобразно. «А мы с девчонками всю ночь танцевали!» – этот ответ прозвучал так простодушно и жизнерадостно, что Катя невольно улыбнулась парню в ответ. А когда перевела взгляд на подругу, спохватилась и стерла улыбку с лица. Та, ожесточенно сдвинув брови, заталкивала в сумочку мобильник. «Спортсмены – что дети! – после краткой паузы высказалась Карина. – В общем-то я к нему и не относилась всерьез. Сразу было ясно, что долго мы вместе не выдержим». Тогда Катя уговаривала ее повременить с разрывом, ведь парень наверняка не имел в виду оргии в духе Калигулы, когда рассказывал о ночных танцах с девчонками из российской команды. «Иначе как бы он мог так бежать и стрелять?!» Аргументы не подействовали, а может, Карине и в самом деле надоело крутить роман в кратких перерывах между сборами и соревнованиями. «Или она просто привыкла быть первой, а тут первым был явно он!» Катя свернула во двор, прижимая к груди пакет с покупками (ручки уже порвались, упаковка в супермаркете была на редкость непрочная), подошла к подъезду и попыталась одной рукой расстегнуть сумку, чтобы достать ключи. Она замешкалась, а когда добралась до ключей, едва не выронила все, что было у нее в руках. Кто-то тронул ее за локоть, неслышно подойдя сзади.

– Ой, Глеб?! – воскликнула она. Однако, обернувшись, тут же поджала губы, не желая проронить еще хоть слово.

– Нужно поговорить, – отрывисто произнес Сергей, и в его голосе не прозвучало и тени раскаяния. Скорее (с изумлением отметила Катя) в этой фразе слышалась некая претензия, словно у покупателя, которому неправильно отсчитали сдачу.

– Я тороплюсь, – сухо ответила Катя, прикладывая магнитный ключ к замку. – В другой раз.

– Нет уж, будь добра, найди для меня время сейчас! – ядовито и все с той же непонятной претензией настаивал тот.

Катя молча рванула дверь и вошла в подъезд, сжимая в охапке расползавшийся по швам пакет. Она надеялась, что Сергей останется на крыльце, но спустя мгновение он уже преградил ей подходы к лифту. В подъезде было сумрачно, слабая лампочка почти не давала света, но Катя видела, что на нем лица не было. Сергей смотрел на нее с такой ненавистью, что она не

верила своим глазам. «Вчера мы так мирно расстались!» – только и успела подумать девушка. В следующий миг на нее хлынул поток ругани:

– Как ты могла, проклятая стерва?! Как ты могла ей звонить и оскорблять после всего, что она вытерпела за эти годы от такой твари, как ты?! Она хоть раз звонила тебе?! Требовала объяснений?! Угрожала?! Истерики устраивала?!

– Я… Не… – только и смогла пробормотать Катя, не в силах ни понять, ни остановить эту лавину оскорблений. Ее поразили даже не слова, а то выражение, с каким они были произнесены. «Боже, когда он успел ТАК меня возненавидеть?! За что?!»

– Вчера разыграла передо мной комедию, прикинулась такой кроткой, святой, я даже пожалел тебя! – продолжал выкрикивать Сергей. Его голос гулко отражался от стен подъезда, и оглушенная девушка съежилась, словно эти слова хлестали ее. – А сегодня позвонила ей и наговорила такого, что она выбросила мои вещи на лестницу и велела убираться навсегда! Что ты ей сказала, гадина?! Как ты могла разбить мне жизнь?!

– О ком ты говоришь? – немеющими губами вымолвила девушка. До нее наконец дошло, что бывший любовник упрекает ее в чем-то конкретном.

– О своей жене, о Лене, черт побери! Будто ты не знаешь!

– Не знаю, – у Кати появилось ощущение, что она заблудилась в кошмарном сне, где нет ни логики, ни правдоподобия. – Я не звонила ей!

– Только что, час назад!

– Этого не может быть, – она с трудом перевела дух. – Час назад я ужинала в ресторане со своей знакомой. Она, если надо, подтвердит.

Последнюю фразу Катя добавила чисто машинально, вовсе не думая привлекать Ларису в качестве свидетельницы, но как раз эти слова возымели отрезвляющее действие на Сергея. Тот отступил на шаг, глубоко вздохнул и совсем другим голосом произнес:

– Тогда кто звонил Лене?

– Почему я должна это знать? – Катя нажала кнопку лифта. – Спроси жену.

– Она говорит, это была ты. То есть… – сбился Сергей, – та девушка представилась тобой… Но если ты была в ресторане с подругой…

– Да, – коротко ответила Катя и вошла в раскрывшиеся двери, исписанные черным маркером. – И оставь меня в покое!

Последние слова она произнесла, когда двери закрывались, и у нее не было уверенности, что Сергей их слышал. Пока астматический лифт взбирался на седьмой этаж, она стояла, привалившись плечом к стене, из последних сил удерживая пакет и сдерживая слезы. Переступив порог своей квартиры, Катя швырнула покупки на пол, захлопнула дверь и, опустившись на корточки, разрыдалась. Слезы давно были на подходе и теперь прорвались на волю, словно талая вода, размывшая плотину. Им не было конца, да Катя и не хотела останавливаться. Наконец она могла выплакать накопившуюся обиду, усталость и напряжение и все то, чему она даже не знала названия, но что мешало ей быть счастливой.

– Почему… – задыхаясь от рыданий, повторяла девушка, – почему я такая… такая…

Слово «несчастная» она проглотила. В сумке запел мобильный телефон. Вытащив его, Катя увидела незнакомый номер и, не успев обдумать свое действие, нажала на кнопку ответа.

– Мне так плохо, – услышала она голос, который сперва не узнала. – Можешь со мной поговорить?

И Катя, против своей воли, начала тихонько смеяться. «Что слишком, то слишком! Я же еще должна всех утешать!»

– Не поняла? – встревоженно переспросила Лариса. – Какие-то помехи!

– Конечно, я могу говорить… – Все еще смеясь, выговорила девушка. – Ну конечно могу.

– Тогда, – оживилась Лариса, – может, зайдешь в гости? Я совсем одна, и мне так жутко!

Глава 4

Катя приняла это приглашение по той же причине, по какой Лариса его сделала. Девушке было жутко оставаться одной. «Когда на сердце тяжело, надо идти к людям! – всегда говорила ей мать. – Не сиди в четырех стенах, не грызи себя – еще хуже станет!» И Катя, перебарывая страх показаться навязчивой, следовала маминому совету и напрашивалась в гости, шла в кино, гуляла по территории ВВЦ, благо выставка располагалась под боком. Сейчас, на ночь глядя, большинство этих возможностей отпадало. Карина была где-то далеко, на очередном свидании, и конечно, не стоило рассчитывать на ее поддержку.

– Хорошо, я зайду ненадолго, – Катя взглянула на часы. – Какой у тебя номер квартиры?

Ни Сергея, ни его машины она поблизости от подъезда не заметила, но это лишь отчасти успокоило девушку. Дикие претензии, которые предъявил ей бывший любовник, продолжали смущать Катю. Только сейчас она начинала понимать абсурд того, что он рассказал. «Звонила какая-то барышня, назвалась мной и устроила скандал его жене?! Может, жена фантазирует, закрепляет победу? А что – ей выгодно выставить меня в глупом свете, настроить Сережу на окончательный разрыв! Поверил он мне или нет?» Продолжая мучиться этими сомнениями, она перешла в соседний подъезд и поднялась на седьмой этаж в таком же астматическом, кашляющем лифте. Лариса ждала ее на пороге своей квартиры, приоткрыв дверь, чтобы хоть немного осветить площадку.

– Лампочку выкрутили? – со знанием дела осведомилась Катя, выйдя из лифта.

– Да тут и патрона нет, чтобы ее вкрутить! – усмехнулась хозяйка, распахивая дверь шире. – Сорвали те, кому свет мешал.

– У вас тоже такие уроды есть?

– Сколько хочешь! – впустив гостью, Лариса тщательно заперла дверь на все замки и еще накинула цепочку. – Но сейчас не бойся, не их время. Они около полуночи собираются на пролет выше, под окном.

– Милицию вызываете?

– Да что ты! – Девушка как будто искренне удивилась этому вопросу. – Мы же вместе росли! Я их всех знаю!

– Ты-то их знаешь, а вот они примут во внимание, что вы вместе росли?

– Брось… – протянула Лариса и, пошарив под вешалкой, вытащила розовые тапочки из искусственного меха: – Надевай, это Викины.

Катя секунду помедлила, ей было как-то неловко надевать вещь, можно сказать, с покойницы. Но, по всей видимости, сестру покойной это не смущало. Переобувшись, Катя отправилась вслед за хозяйкой осматривать квартиру – Лариса непременно желала все показать.

– У нас «двушка», а у тебя? Однокомнатная, да? И ты там одна живешь? Хорошо тебе, свободно! Вот мамина комната! У тебя такая же, большая?

«Большая комната» площадью семнадцать квадратных метров была тесно заставлена мебелью, причем предметы обстановки были явно рассчитаны на более просторное помещение. Массивный угловой диван занимал полторы стены и чуть не доходил до самого порога. «Стенка», разделенная на две части, зрительно уменьшала комнату до размеров кладовки. Хрустальная, изрядно запыленная люстра свисала слишком низко, можно было предположить, что ее полагалось вешать над обеденным столом, но стола здесь не было. «Иначе никто бы не пробрался к балкону, – подумала Катя и невольно вздрогнула. – Что мне в голову лезет! Да, вот тот самый балкон…» На диване еще валялось скомканное постельное белье, рядом на полу стоял полупустой стакан с водой. В комнате сильно пахло валокордином – этот запах Катя знала с детства, такими же каплями лечилась ее бабушка.

– Я не успела прибраться, – пояснила Лариса, торопливо подскакивая к дивану и запихивая белье в ящик для постели. – Ну и день! Я все думала, когда же он кончится, только вот уже ночь наступает, а мне еще хуже стало! Страшно тут оставаться!

– Но у вас же есть, наверное, какие-то родственники, – предположила Катя, оглядывая стены, оклеенные блеклыми обоями в мелкий цветочек. В общем, комната производила унылое впечатление, а развешанные повсюду пейзажи арбатского изготовления заставили девушку поежиться. Попадая в гости, она всегда пыталась составить представление о хозяевах, изучая интерьер, и в данном случае могла сказать, что эта комната не несла на себе абсолютно никакого отпечатка личности своей обитательницы. «Мамина комната» могла с тем же успехом быть и «папиной», и «бабушкиной», а вернее всего, вообще ничьей. В ней ночевали, но не жили, ее обставили, но не сумели украсить, ею обладали, но ее не любили. Лариса перехватила критический взгляд гостьи и, словно прочитав ее мысли, быстро пояснила:

– Мама не выносит безделушек, говорит, сложно убираться, много пыли. Знаешь, она вообще мало собой занимается, больше работой.

– Да я же ничего не сказала! – Катю удивила эта проницательность. Вообще, ее новая знакомая производила на нее все более сложное впечатление. «В любом случае с ней надо держать ухо востро!»

– Но ты подумала, я по глазам поняла! – настаивала Лариса. – И правильно, я сама не в восторге от этих жутких картин! Но это папа рисовал.

– А он…

– Умер восемь лет назад, – девушка подошла к окну и плотно задернула шторы. – Мне было четырнадцать, Вике двенадцать. Представляешь, каково маме пришлось? Денег папа не оставил, продать было нечего – ни машины, ни дачи… Вот – все, что видишь. Родственники, говоришь? А где они были, когда мы после папиной смерти без гроша остались? Кто помог? Пошли они к черту! – И без перехода, совсем другим тоном предложила: – Пойдем, покажу тебе Викину комнату.

Катя молча последовала за ней. Комната погибшей девушки с полным правом могла называться «маленькой». В ней было не больше десяти метров, впрочем, обстановка тоже оказалась немногочисленной. Широкая, с виду двуспальная кровать, застеленная ярким атласным покрывалом, шкаф для одежды, пушистый ковер на полу – это было все, если не считать трюмо. Оно занимало целый угол, и было ясно, что именно перед ним проводила большую часть времени бывшая хозяйка комнаты. Десяток баночек с кремами, в которых кожа Вики вовсе не нуждалась, ворох косметики, профессиональный фен, щипцы для завивки, накладные локоны разного цвета, рассыпанная по столешнице пудра и устойчивый запах сладких духов – все говорило о том, что девушка уделяла пристальное внимание своей наружности. «Хотя при ее данных она могла вообще не краситься и не причесываться, все равно била бы наповал! – Катя продолжала рассматривать косметику на полочках трюмо. – А тут такой арсенал, будто ей лицо надо было с нуля рисовать каждый раз…» Эту комнату, в отличие от первой, явно пытались украсить и сделать уютной. На окне висели шторы из розоватой пышной органзы, на дешевенькой люстре покачивались многочисленные колокольчики, долженствующие приносить в дом счастье, в изголовье постели разместились мягкие игрушки – сплошь тигрята разных размеров и расцветок. Эти инфантильные попытки свить гнездо наводили на мысль, что обладательница внушительного трюмо еще не осознала себя взрослым человеком. «То ли будуар, то ли детский сад!»

– Тигров собирала, потому что по году она Тигр, – с непонятной улыбкой пояснила Лариса, до сих пор молча оглядывавшая комнату сестры. – Думала, они ей счастье принесут. И колокольчики эти для счастья, и талисманы она всегда при себе носила – один на шее, другой в сумочке, третий в кармане. Представляешь, по почте откуда-то выписала! Ей что хочешь

можно было внушить, она бы живую жабу в рот сунула, если бы ей сказали, что она приносит удачу.

– Она училась где-нибудь, работала? – Кате вдруг показалось, что в маленькой комнатке нечем дышать. От запаха сладких духов ее мутило. – Неужели восемь классов и все?

– Все! – подтвердила Лариса. – Да и там-то еле тянулась, одно горе! Я все вечера с ней просиживала, старалась хоть как-то натаскать, чтобы не позорила меня в школе! А она, как только отвернусь, – шмыг в дверь и уже на улице гоняет с парнями! Это я первая сказала маме – нечего Вике делать в старших классах, в МГУ все равно не поступит, а за прилавок и с такими знаниями встать можно. Правда, – усмехнулась девушка, – за прилавок-то наша графиня как раз не встала. Не захотела. Это для нее оказалось слишком примитивно, да там же и работать надо!

– Что же – Вика вообще не работала?

– Да так, от случая к случаю… – Лариса произнесла это с явной неохотой. – Когда у нее было настроение.

– Что же это за работа такая? – недоверчиво поинтересовалась Катя. – По контракту?

– Какой там контракт! – фыркнула та. – Одни фантазии! Она околачивалась в ночном клубе, танцевала с посетителями, а заведение ей за это платило какие-то гроши. Ну, и уж конечно мечтала о сцене, считала, что у нее голос есть и когда-нибудь она прославится… Бред, конечно!

– А как же ваша мама с ее строгими принципами смотрела на такую работу? – изумилась девушка. – Или я чего-то не понимаю?

– Да мама ничего не знала! – отмахнулась Лариса. – Я помогала Вике следы заметать, она врала, что стоит на кассе в ресторане быстрого питания с восьми вечера до полуночи. Конечно, при таком графике она должна была получать копейки, ну мама и не спрашивала ее насчет денег. Целый год мы так маскировались.

– Как же мама не догадалась?

– А каким образом она могла что-то узнать? – возразила Лариса, плотно закрывая дверь в комнату сестры. – По ресторанам мама не ходит, трудовую книжку все равно бы не увидела, раз она в отделе кадров, ну а проверять у нее нет ни времени, ни сил… И потом я же говорила ей, что у Вики все в порядке. Мама только переживала, что она поздно возвращается, но потом привыкла. Мы врали, что их с работы развозит служебный микроавтобус.

– А если бы с Викой что-нибудь случилось в этом клубе? – Катя никак не могла опомниться от услышанного. Такое рискованное и громоздкое вранье изумило ее. – Как ты могла ее покрывать? Тебе что, было все равно, чем занимается сестра?

– Если бы я не согласилась ее поддержать, было бы только хуже, – после краткой паузы проговорила Лариса. – Она, правда, была жуткой трусихой, но если уж ей чего-то хотелось… Вика все равно удирала бы в свой клуб, мама хваталась бы за сердце, а виновата во всем была бы, конечно, я.

– Ты-то почему?!

– Потому что я – это я, – с горечью ответила девушка, открывая перед гостьей дверь кухни. – Ну, вот и весь наш дворец. Тесно, правда?

– А где же ты спишь? – Катя с удивлением осмотрела крохотное шестиметровое помещение, в которое были втиснуты плита, холодильник, обеденный уголок и несколько навесных шкафов. На холодильнике стоял телевизор, на разделочном столе – микроволновая печь, электрический чайник и соковыжималка. Места было так мало, что, стоя у плиты, можно было без труда достать любую вещь, расположенную в кухне, не сделав при этом ни единого шага, просто протянув руку.

– Да вот, на диванчике, – Лариса по-хозяйски пнула потрепанный угловой диван, обитый потертой красной материей. – А утром постель к маме в шкаф уношу. И одежда моя тоже там, у нее.

– Но как же… Здесь?!

– Не веришь? – Не успела Катя опомниться, как та скользнула в щель между столом и диваном и ловко улеглась, растянувшись на плоских красных подушках. – Смотри, я как раз помещаюсь. Больше и не нужно, я ведь не очень длинная!

Катя лишь покачала головой, глядя на худенькую девушку, ютившуюся на ложе, явно не приспособленном для спанья. Деланная улыбка, которой Лариса сопровождала эту демонстрацию, только укрепила Катю во мнении – не всегда стоит буквально воспринимать то, что говорит ее новая знакомая. «Она будто бравирует тем, что находится в таком приниженном положении! Спит на кухне, будто какая-то бедная родственница, которая остановилась у них на два дня проездом… А эта ее фраза – „потому что я – это я!“. Она дает мне понять, что в семье ее не ценили и не любили, вот о чем ей хочется говорить… А вовсе не о смерти сестры!»

– Ну, теперь-то ты перейдешь в комнату Вики?

Катя никак не ожидала, что этот простой практический вопрос, который она задала без всякой задней мысли, вызовет такую реакцию. Лариса резко села, задев локтем стол, и взглянула на гостью со смешанным выражением злобы и недоверия. В этом взгляде было так много волчьего, что девушка невольно отшатнулась к двери. В следующее мгновение Лариса уже стояла, агрессивно подавшись вперед, словно готовясь начать драку:

– На что ты намекаешь?!

– Я?! Намекаю?! – ахнула Катя. – Я просто спросила…

– Нет, ты хочешь сказать, что мне ее смерть была выгодна! Что я рада, потому что комната освободилась!

– Да у меня и в мыслях такого не было, – честно ответила девушка. В самом деле, хотя Катя настороженно относилась к излияниям своей новой знакомой и не чувствовала к ней особой симпатии, она была далека от того, чтобы предположить в той корыстный интерес. Эта вспышка самобичевания доказывала лишь одно – в семье Лариса была изгоем, остро чувствующим свое унижение. – Не приписывай мне, пожалуйста, своих комплексов! Ничего постыдного нет в том, что ты теперь займешь ее комнату! Это будет правильно, и никто тебя ни в чем не обвинит!

– Я буду спать тут! – с вызовом заявила та, кладя руку на спинку диванчика. – А когда получу первую зарплату, сниму комнату и уйду отсюда совсем!

– Твое дело… – пожала плечами Катя. В другое время она пожалела бы эту девушку, но сейчас слишком устала, чтобы испытывать какие-то эмоции. – Ну, вижу, ты пришла в себя, мне пора.

– Выпей хоть чаю! – опомнилась Лариса. – Извини, я завелась, у меня сейчас нервы на пределе!

Она включила чайник и торопливо поставила на стол чашки.

– Не уходи, так жутко одной! Потом я тебя сама провожу, не бойся!

– Все-таки мне кажется, что в такую минуту можно и с родственниками помириться, кого-нибудь к себе позвать! – сдержанно предположила Катя, присаживаясь за стол. Чаю не хотелось, но уйти так просто она не могла. За считанные часы жизнь этой семьи, прежде совершенно чуждой, стала вдруг для нее близкой и важной, как будто у нее, нежданно-негаданно, появилась новая родня. «А может, я бессознательно ухожу от собственных проблем, – подумала она, вспомнив нелепые обвинения Сергея. – Что и говорить, у этих людей настоящее горе! Но не могу же я целиком себя им посвятить! Карина права – я ненормально приняла уход Сережи. Ненормально спокойно. Обычной реакцией были бы как раз эти истеричные звонки его жене…»

Внезапно раздавшееся в прихожей громкое мурлыканье заставило Катю подпрыгнуть. Она не сразу сообразила, что это дверной звонок.

– Кто бы это? – удивилась Лариса и, как была, с сухарницей в руках, побежала к двери. Тут же защелкали отпираемые замки, зазвенела цепочка, и девушка вернулась на кухню, сделав успокоительный жест:

– Это старый знакомый, все в порядке.

– Можно?

Катя даже не удивилась, в третий раз за этот долгий день услышав голос Глеба. Гигант возник на пороге кухни, заняв собой весь дверной проем. В одной руке он держал бутылку вина, в другой – пластиковый контейнер, затянутый сеткой, сквозь которую просвечивали розово-желтые бочки персиков.

– А, ты здесь? – Он как будто не обрадовался, увидев Катю. Лариса удивленно посмотрела на них:

– Вы знакомы? Да что это я! Вы же соседи! Кать, ты его, наверное, заливала?

– Пока не случалось. – Девушка вопросительно взглянула на Глеба, но тот сразу отвел взгляд. – Ну, теперь я точно пойду. Ты уже не одна.

Удерживать ее никто не стал. Парень явно рассчитывал на разговор без свидетелей, а оживившаяся Лариса, забыв о своем обещании проводить гостью, быстренько выставила ее за дверь, пообещав завтра позвонить.

– Ты ведь должна еще ввести меня в курс дела, – напомнила она напоследок. – Я не представляю, как браться за свою серию! Покажешь?

– Раз начальство велело – покажу, – с откровенной неохотой ответила Катя, но ее выразительная интонация пропала зря – Лариса только поблагодарила и плотно прикрыла дверь.

Выходя из подъезда, она была погружена в свои мысли и оттого не сразу обратила внимание на знакомую машину, стоявшую неподалеку. Маленькая красная «Тойота» была припаркована так неудачно, что наполовину загромождала и без того узкий проезд, но ее владелицу это ничуть не волновало. Опустив стекло со стороны водительского сиденья, Карина нервно курила, высунув наружу голову и оглядывая двор. Завидев подругу, она радостно выскочила, хлопнув дверцей:

– Да где же ты шляешься, да еще без телефона?! Уже час сижу в вашем гадюшнике! Наехала в темноте на какой-то пенек, когда парковалась, боюсь, шину спустило… Садись, поедем!

– Куда это? – хладнокровно спросила Катя. Она привыкла к таким кавалерийским наскокам ближайшей приятельницы и не очень удивилась ее неожиданному появлению.

– Хочу тебя познакомить с одним человеком, – загадочно произнесла та. – Он того стоит, уж поверь на слово!

– Опять, – вздохнула Катя, вспомнив предыдущие попытки подруги устроить ее личную жизнь. – Не хочу я ни с кем знакомиться. Если потребуется, сама справлюсь.

– Ты справишься! – с оскорбительной иронией заметила Карина. – Сколько тебя помню, все справляешься! Слушай, на этот раз в самом деле невероятно удачный кадр! Я бы взяла себе, но решила сделать подарок, а ты нос воротишь!

– Вот и бери себе, – обиженно отвернулась девушка. – Тоже, одолжила! Если у меня ничего с этим феноменом не получится, ты первая начнешь упрекать, что я такой вариант испортила! Проходили уже!

– Ты злишься, значит, я права! – не смутившись, возразила подруга. – Тебе срочно надо с кем-то познакомиться! В конце концов бросишь его через пару недель, все равно лучше, чем ждать, когда удерет сам!

Не отвечая, Катя пошла к своему подъезду, но Карина ее догнала и схватила за рукав. Теперь она заговорила серьезно, и в ее голосе звучали примирительные нотки:

– Я же добра тебе желаю! Что ты теряешь? Не понравится парень, так просто побудешь в компании, убьешь вечер! Нечего сиднем-то сидеть!

– Спать хочется, – проворчала девушка, но не очень решительно. Катя вообще редко могла сопротивляться напору подруги, тем более что та в самом деле всегда действовала от чистого сердца. Карина мгновенно почувствовала неуверенность, прозвучав-

шую в ее ответе, и вцепилась в Катю мертвой хваткой:

– Ты не спать будешь, а реветь в подушку, что, я не знаю?!

– А тебе это мешает? – уже сдавшись, усмехнулась Катя. – Я, кажется, телефон не обрываю, на помощь не зову!

Теперь обиделась Карина – как всегда, молниеносно и бурно. Тряхнув головой и зазвенев серьгами, она сдавленно выговорила, борясь с обуревавшими ее эмоциями:

– Если ты думаешь, что мне дела нет, то… Да, мне мешает, что ты ходишь с опухшими глазами и в землю смотришь, будто что-то потеряла! Ну хорошо, раз так…

– Да не обижайся! – Катя обняла подругу и чмокнула ее в щеку, пахнущую пудрой и духами: – Поехали, ты права, дома скучно!

– Я тебя с восьмого класса знаю, а ты все как чужая! – все еще в сердцах ответила Карина, поворачивая к машине. – Я тебе все рассказываю, а ты в прятки играешь! На помощь не зовешь! Друзей не надо звать, они все сами видят! И если…

– Да успокойся! – Катя уселась в машину и, откинув щиток под ветровым стеклом, рассмотрела в зеркальце свои глаза. Они в самом деле сильно опухли. – Сама знаешь, ты мне как сестра. Но только я и сестре не все бы рассказывала.

– Ты страшно скрытная, Катька, – Карина села за руль и хлопнула дверцей. – Никак я тебя от этого не отучу. Вот ты мне весь день рассказывала сказки, что легко рассталась с Сережей, а теперь я тебя с такими кроличьими глазами вижу! У тебя пудреница далеко? Как, вообще ничего нет?! Куда ты, кстати, бегала в таком виде и без сумки?

– Так, была в гостях, – неохотно ответила девушка, прикрывая веки и стараясь не слушать стрекота подруги. – Сегодня я просто нарасхват.

Как призналась Карина, пытаясь втиснуть свою «Тойоту» в ряд припаркованных у бровки тротуара машин, своего нового приятеля она знала всего несколько дней, а уж компанию, которая сегодня отмечала чей-то день рождения, – и вовсе пару часов.

– Но там отличные ребята, тебе понравится! – пообещала она, вытаскивая ключ из замка зажигания. – Честно говоря, я даже не очень поняла, кто именинник.

– А подарок? – усомнилась Катя, с трудом выбираясь из машины. Стоянка у кафе была забита до предела, и дверца «Тойоты» открылась лишь наполовину. – Мы что же, с пустыми руками?

– Да там запросто, – успокоила ее подруга. – В углу стоит столик, все на него складывают дары, а кто что принес – не проверяют. Это ж не деревенская свадьба, в конце концов!

– Давай хоть цветы купим!

– Один такой уже купил сегодня, – напомнила Карина, – видала, что было? Знаешь, как вспомню об этом – готова все простить мадам Милошевич! Все-таки здорово она его отчикала! Не суетись, цветов там уже больше, чем в любом киоске. Еще один букет никого не обрадует!

Она была права – никто не заметил, что новая гостья явилась без подарка. Более того, очень скоро у Кати появилось ощущение, что и ее саму никто не замечает. Карина, наскоро представив ее какому-то парню, мгновенно растворилась в толпе, наводнившей длинное кафе, похожее на подвал. Вечеринка была в разгаре, музыка гремела оглушительно, воздуха можно было глотнуть, только встав под кондиционер. Туда и направилась Катя, даже не пытаясь слушать, что пытается ей сказать новый знакомый. Она уже поняла, что попала в одно из ненавидимых ею мест, где невозможно спокойно посидеть и поговорить. «Надо сбегать, пока не

поздно!» – в панике подумала девушка и тут же поняла, что этот план неосуществим. Уехать она могла только с соизволения Карины. Сумку Катя оставила дома, и денег у нее при себе не было.

– Хочешь уйти?!

Девушка подумала, что ослышалась, что было неудивительно в таком шуме. Этот парень прочел ее тайную мысль и озвучил ее, до предела напрягая голосовые связки. Она вопросительно взглянула на него, и он сделал красноречивый жест в сторону выхода, изобразив двумя пальцами ножки идущего человечка.

– Да! – крикнула она и кивнула, чтобы тот не сомневался в ее согласии.

Спустя минуту оба уже стояли на улице, жадно вдыхали сырой воздух, казавшийся изумительно свежим после той густой горячей смеси, которой приходилось дышать в кафе, и заново разглядывали друг друга. «Он ничего!» – подумала Катя, ограничившись беглым осмотром. И заметила про себя, что ее опухшие глаза намного выгоднее рассматривать в полумраке вечерней улицы, чем при искусственном освещении, мертвенном и беспощадно-резком.

– Спасибо, – сказала она, видя, что ее спутник не торопится начать разговор. Молодой человек порылся в карманах, достал помятую пачку сигарет и теперь искал зажигалку. Взглянув на Катю, он поморщился и похлопал себя по уху:

– Оглох, прости… С восьми часов в этом содоме околачиваюсь… Как тебя зовут, не расслышал?

Катя представилась, и парень кивнул:

– Ну вот, а там я услышал Надю… Я – Сеня, это Арсений, не Семен! Почему-то все рвутся меня Семеном окрестить!

– Семен – это Сёма, – улыбнулась девушка. Ее насмешила горячность, с которой ее новый знакомый отстаивал свое имя. – В «Бриллиантовой руке» перепутали, а вся страна повторяет.

– Кстати, о бриллиантах! – оживился парень. – Ты что-нибудь в них понимаешь?

Растерявшись, Катя неопределенно качнула головой, и Сеня воспринял это движение как утвердительное. Снова порывшись в карманах потрепанной джинсовой куртки, он извлек маленькую коробочку и, раскрыв ее, поднес к свету фонаря, стоявшего у входа в кафе.

– Взгляни-ка! Как думаешь, за сколько можно продать? Деньги нужны до зарезу, а я, как назло, пустой!

Катя осмотрела украшение – небольшой крестик, инкрустированный несколькими сероватыми камешками, тускло ловившими свет. Она ничего не понимала в бриллиантах, но отчего-то сразу решила, что цена этим камням невелика. «То, что так выглядит, не может стоить дорого!»

– Понимаешь, – продолжал изливать ей душу Сеня, – я машину разбил, мне уже высчитали стоимость ремонта, а я не укладываюсь, хоть тресни… А чинить нужно срочно, тачка не моя! Брат узнает, порвет меня, как жабу!

– Боюсь что-то говорить… – пробормотала Катя, разглядывая крест. – Я не знаток бриллиантов. Ты бы спросил Карину!

– А кто это? – с надеждой вцепился в нее Сеня.

– Да она же нас познакомила! – удивленно подняла глаза Катя. – Ты ведь знаешь ее?

– Впервые видел!

– Вот как? – Девушка боролась со смутным чувством обиды, но всерьез рассердиться на подругу не могла. Карина обманула ее, вслепую позвав на вечеринку, познакомив с первым встречным парнем, но… «Но если бы не она, я лежала бы сейчас на древнем диване и рыдала бы над своей кривой судьбой!»

– Ну, хоть двести баксов я за это получу, как, по-твоему? – Парень защелкнул футляр и спрятал его в карман. – А сколько там цветов, видала? В кафе столько ваз не припасено… Как

подумаю, что все это – деньги, выть охота! Дарили бы прямо наличными, я бы такое спасибо сказал! А кому это все теперь достанется? Уборщице здешней?

– Так ты… – поняла Катя и невольно заулыбалась, глядя на его отчаяние, – именинник?!

– Именно! – вдохнул тот и поежился, словно впервые обратив внимание на холодный ветер, пронизывавший насквозь его тонкую куртку. – Ну что, может, двинем отсюда, выпьем по маленькой? Лично я замерз!

– Нет, я лучше домой. – Девушка покосилась на дверь кафе, от посещения которого у нее остались такие неприятные впечатления. – Мне бы только подругу на минутку увидеть…

Просить деньги на проезд у человека, испытывавшего материальные трудности, да к тому же именинника, Катя не решилась.

– Увидишь еще свою подругу, – отмахнулся Сеня, поднимая воротник куртки и оглядывая улицу, пестревшую неоновыми вывесками. – Вон, японский ресторан! Зайдем туда, согреемся?

– Я думала, ты хочешь вернуться? – удивилась девушка.

– Куда? Они отлично напьются без меня! – Именинник оглянулся на дверь кафе с явной неприязнью. – И вообще, вечеринка не удалась. Пришел какой-то левый народ, а кого хотел видеть – даже не отзвонились! Ни веселья, ни музыки нормальной, ни кухни приличной – ничего! Накрошили криво-косо каких-то салатов, будто свиньям, сосисок отварили… Как в ларьке на Казанском вокзале! А сколько я денег ухлопал – мрак! Мне не жаль, просто не люблю, когда так обувают! Хорошо, водки много! В общем, как мой брат говорит – раз попал на бабки, втяни голову и терпи! Верно?

– Ну да… – Катя еле поспевала за парнем – он уже двинулся вниз по улице, не выпуская из виду розовую неоновую вывеску японского ресторана. Почему она все же пошла за ним, а не отправилась на поиски Карины – Катя сказать не могла. Новый знакомый попросту втянул ее в зону своей гравитации, как большая планета, поймавшая в плен случайный астероид. – Знаешь, я попала к тебе случайно… Но все равно, поздравляю!

– А-а! – не оборачиваясь, Сеня махнул рукой, словно стряхивая это поздравление. – Тоже мне, большой праздник! Еще одна пьянка, только на торте – свечки! Там никто и не заметит, что я свалил! Есть сильно хочешь?

– Не очень… – парень шел все быстрее, и Катя еле за ним поспевала.

– Это хорошо, а то у меня денег только на выпивку! Закусить надо было там или с собой взять…

– Так может, не надо в ресторан? – предложила осторожная Катя, на что последовал фаталистический ответ:

– А толку мне в этих копейках? На ремонт все равно не хватит! Нужно полтора куска, или…

– Полторы тысячи долларов за ремонт? – Девушка наконец догнала своего спутника и быстро пошла с ним рядом. – Машина дорогая?

– Старый «мерс», ему двенадцать лет, но брат над ним трясется, как над собственной почкой! – доверительно сообщил Сеня, отворяя дверь японского ресторана. – Вру, хуже, чем над почкой! На почки ему плевать, а вот этот «мерс»… Понимаешь, он сделан по правительственному спецзаказу, на нем, может, кто-то из команды Гельмута Колля ездил… Особый двигатель, спецсалон, коллекционная вещь… Самое жуткое, что его только что прокачали – сменили кое-какую электрику, жесть, покрасили, воском покрыли… А я… Что будешь – пива, водки или саке?

Он усадил Катю в уголок, за столик, интимно освещенный розовой лампой, и протянул ей карту вин. Девушка покачала головой:

– Ничего не надо. Если только чаю…

– Чаю?!

Парень взглянул на нее так, словно она предложила ему заняться сексом прямо тут же, на столе. Подоспевшая официантка в кимоно (несомненная славянка) улыбалась, держась на почтительном расстоянии. Наконец заулыбался и Арсений неожиданно тепло, словно вспомнив что-то приятное.

– А что? Сто лет не пил просто чаю… Так ведь и озвереть можно! Девушка, мы будем чай и какие-нибудь пирожные, если у вас есть вкусные!

– Конечно, – заверила официантка и, забрав меню, удалилась. Парень откинулся на спинку диванчика, бросил на стол сигареты и сладко потянулся:

– Хорошо, тихо! Надо было вообще не собирать народ, а посидеть здесь, в тесном кругу… Каждый год говорю себе – ничего устраивать не буду, и каждый раз не получается. Один спросит, другой поздравит, третий скажет, что уже подарок купил… Ну и выливается все в очередную пьянку!

– А сколько тебе исполнилось, если не секрет? – поинтересовалась Катя. Теперь она как следует разглядела своего нового знакомого, но все еще не могла составить четкого мнения о нем. Симпатичный он или просто забавный урод? Веселый или распущенный? Простой или недалекий? Она терялась, даже пытаясь угадать возраст этого голубоглазого парня, одетого в потрепанную одежду, словно с чужого плеча. Рукава куртки не доходили ему до запястий, растянутый свитер висел мешком, бесформенные штанины джинсов волочились по грязи и намокли. Рыжевато-русые давно не стриженные волосы сосульками падали ему на лоб и виски, словно у солиста какой-нибудь гранжевой группы, в ухе болталась серебряная серьга в виде птичьей лапки. В целом он производил впечатление человека, который умудряется выглядеть стильно, совершенно не заботясь об этом и одеваясь чуть не на помойке. Катя завидовала людям, обладающим таким талантом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.